

фантастическая
МЕТОДИКА

Виктор Сиголаев
**Фатальное
КОЛЕСО.**
Дважды в одну реку

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фатальное колесо

Виктор Сиголаев

**Фатальное колесо.
Дважды в одну реку**

«АЛЬФА-КНИГА»

2017

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Сиголаев В. А.

Фатальное колесо. Дважды в одну реку / В. А. Сиголаев — «АЛЬФА-КНИГА», 2017 — (Фатальное колесо)

Никто не понял, как наш современник, офицер запаса и учитель истории, попал в свое собственное прошлое. Снова в тело семилетнего мальчишки. И снова во времена торжествующего развитого социализма, когда, насколько помнил наш герой, и радости и счастья кругом было на порядок больше. Все так, вот только, на взгляд взрослого человека, в солнечной стране под названием «Детство», оказывается, не все так идеально, как раньше подсказывала память. Получается, что здесь тоже есть и подлость и жадность. Есть и воры, и бандиты, и мошенники всех мастей, правда, ребенком ты раньше их не замечал. А сейчас с этим надо что-то делать. С этим просто необходимо бороться, ведь зло не знает преград во времени. И в зоне видимости опять появляются враги. Жестокие и коварные. Умные и беспощадные. К тому же кое-кто из них нашему герою кого-то очень сильно напоминает. Так семилетний герой с двумя высшими образованиями, с боевым офицерским опытом и памятью, обожженной лихими постперестроечными годами, начинает свою маленькую войну, взяв в союзники ни много ни мало... Комитет государственной безопасности СССР. И неожиданно находит там новых друзей. Да таких, за которых можно и жизнью рискнуть!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сиголаев В. А., 2017

© АЛЬФА-КНИГА, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Сиголаев

Фатальное колесо. Дважды в одну реку

© Сиголаев В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

Игры на свежем воздухе

Бывает же такое!

Удивили, что и говорить...

По всему получается – драться пацанам на этот раз вообще не хочется. По крайней мере, в данном конкретном случае. И это несмотря на то что сегодня суббота! И что на «место встречи», которое, как известно, «изменить нельзя», дворовые дружины дисциплинированно явились в полном составе, как того и требовали неписанные законы почтенного хулиганского братства.

Да только... м-да...

Уж больно мирным и уютным был теплый весенний вечер апреля одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. До противного мирным! До приторной оскомины. До безобразного превращения подрастающих хищников в жалкое травоядное стадо.

Куды котимся?

Малолетние бойцы кучками слонялись по периметру театра боевых действий, безмятежно смолили дешевые болгарские сигаретки и, как было исстари заведено, беззлобно переругивались с оппонентами напротив. Те в свою очередь группировались на другой стороне пустыря, благодушно поглядывали в нашу сторону, огрызались все-таки согласно этикету, но... должной активности не проявляли. Вели себя, можно сказать, по-свински миролюбиво и возмутительно дружелюбно. Царила атмосфера вселенского долготерпения и вопиющего пацифизма.

Если не сказать... пофигизма.

Изредка, якобы для запала, мелкота швыряла голыши на вражескую территорию. Во всяком случае, уж точно в нужном направлении. Долетали «снаряды» до цели или нет – дело третье. Тем не менее эти общепринятые и проверенные на практике штатные провокации сегодня нужного результата не давали. Для полноценной битвы катастрофически не хватало соответствующего эмоционального настроения.

Злобы не хватало! Ненависти!

Собственно, не будем себя обманывать: настоящей ярости в этих междворовых потасовках особо не наблюдалось и прежде. Как правило. Дело было в том, что противники знали друг друга очень давно. С пеленок буквально. С ясельных групп и детского сада. Вместе учились в одной школе, которая для обоих дворов была ближайшей. Вместе ходили в общий, расположенный сразу на двух территориях летний кинотеатр, за которым, к слову, и находился пустырь для еженедельных выяснений отношений. Вместе посещали одни и те же кружки во Дворце пионеров, вместе загорали на одном и том же пляже.

Да что там говорить! Кое у кого даже родственники имелись в стане врага. Дальние, разумеется. И кто же тут виноват, коли злодейка-судьба раскидала этих бедолаг единокровных по разным сторонам дворовой баррикады?

Такая вот жестокая штука жизнь, брат!

Не взыщи и получай... по-братски...

Обычно после красочной сшибки стенка на стенку и обмена звонкими затрещинами драка превращалась в беспорядочную и веселую куча-малу. Борьба, говоря языком спортивных комментаторов, переходила на нижний уровень. В партер. До первой пары-тройки расквашенных носов, или пока кто-то не запросит пощады, оказавшись на свою беду ближе всего к земле.

В этих случаях проигравшая сторона безропотно удалялась, а победители тащили на центр пустыря мятые консервные жестянки – для игры в «пекаря». Для чего формально и устраивались эти самые субботние баталии. Традиция, родившаяся, надо полагать, еще во времена царя Гороха.

А вот на этот раз даже банки пинать не хотелось!

Шпана благодушно шурилась на весеннее солнышко, греясь в его лучах, наслаждалась предвкушением грядущего выходного дня и совершенно не понимала, как выйти из этой патовой ситуации, сохранив и лицо, и обычаи.

Цугцванг, однако...

На кой черт меня сегодня потянуло к этим экстремальным забавам на свежем воздухе? Книжку бы лучше почитал! Реально – просто времени жалко. И ведь никто здесь так просто расходиться и не собирается. Принципы, однако. Традиции.

До чего же упертый народ!

Я огляделся.

Да уж. Картинка, достойная художника Васнецова. Под названием: «Деморализованные полки на несостоявшемся поле Куликовом». Ну что ж, пожалуй, придется вмешиваться самому. Рвать, что называется, этот фатальный замкнутый круг. Переводить безнадежную шахматную партию к банальной игре «в Чапая».

Чего не сделаешь для драгоценных товарищей?

Правда, я из «пехоты» в силу своего малолетства. Без должного авторитета. «Пушечное мясо», по общепринятым меркам. Но ведь никто не знает, что в голове у семилетнего «шпака» чудом оказались мозги сорокадевятилетнего мужика! Уже без малого год и по совершенно неизвестным мне причинам.

Так уж получилось.

К тому же я владею некоторыми секретами, способными придать солидный вес любой фигуре на этом поле Куликовом. Могу превратить, так сказать, пешку в ферзя. Авансом и досрочно...

Я вышел на центр.

Начинаем шоу. Которое должно продолжаться, как известно. Попрошу зрителя в зал. Итак – мини-пантомима! Невербальные наброски. Увертюра, если можно так выразиться, для привлечения предварительного внимания уважаемой публики.

Значит, так: руки в боки, левую ногу вызывающе выставить перед собой, нагло задрать подбородок повыше. И обязательно сплюнуть! Сквозь зубы и как можно дальше – в сторону вражеского стана.

Я непроизвольно скосил глаз: на башмак не попал себе случайно? Вроде бы нет.

Ага! Кажется, заметили.

Теперь, чтобы не терять темпа, необходимо запускать текстовую часть! Как-то так:

– Эй, «Балка»!

«Балка» – это имя собственное. Так мы зовем противостоящую нам группировку. По топографическому признаку.

Усугубляем:

– Кресты из оврага!

Это уже не так уважительно, как вначале, если не сказать больше. «Кресты» – производная от «крестьяне»: намек на малоэтажность застройки вражеской территории. Считается обидным...

Закрепим:

– Эй! Чего там сопли жуем? А? Давай бойца на центр! Один на один. Слабо?

Ого, как зашевелились! Напоминает встревоженный муравейник.

Не решусь дословно привести здесь ответные реплики потенциального противника, прозвучавшие на фоне уничижительных смешков и демонстративных ответных сплевываний в мою сторону. Общий смысл приблизительно такой: «Достаточно ли вам лет, совершенно неуважаемый сударь, для столь дерзких и недвусмысленных заявлений в адрес такого серьезного количества солидных и, без всякого сомнения, высокоуважаемых людей?» Это, разумеется, приблизительно. В оригинале... чуть более экспрессивно, что ли.

– Чего дрейфанули-то, крестики? А? Мальца шугаемся?

А вот это уже серьезно! Это – реальная заявка на событие.

Потому как за такое – как минимум «по шее», независимо от возраста. Так выглядит «точка невозврата», пройденная публично и при свидетелях.

И... назад уже дороги нет.

Тела зашевелились теперь и с моей стороны: люди отбросили сигаретки, перестали играть в «чу» и втыкать «ножички» в прессованную землю. Народ стал заинтересованно подтягиваться к эпицентру событий, с любопытством наблюдая за редкой и нестандартной ситуацией.

Вообще-то формально я своих подставлял.

Мое предложение по всем параметрам мальчишеской драки заведомо проигрышное. Разумеется, реального бойца оппоненты не выставят – своеобразный дворовый этикет, знаете ли. Но чтобы унять зарвавшегося сопляка, возомнившего о себе невесть что, хватит и воина средней руки. Здесь главное – формально обозначить победу, которая предполагает впоследствии настоящий шквал позорящих наш двор унижений и обидных комментариев. И все это будет продолжаться в ближайшем обозримом будущем. Целую неделю ходить в аутсайдерах районной молвы! Высоки ставки-то.

Так и получалось, что многовато я на себя брал.

За моей спиной по этому поводу уже кое-кто недовольно взрыкивал, но... вмешиваться сейчас – это уже не по понятиям. Слово прозвучало! А оно, как мы знаем, не воробей...

На другой стороне ристалища истерично шуршали совещательные процедуры. Говорю же – нештатная ситуация. Впрочем... особых разногласий у противника не обнаружилось, посему долгими ожиданиями почтенное общество никто отягощать не стал – бойца-дуэлянта определили быстро.

На центр пустыря от «балки» шагнул крепко сбитый смуглый паренек татарской наружности.

Тоха!

За спиной судорожно вдохнули и, шипя досадливо, синхронно выпустили воздух сквозь сурово сжатые зубы.

Коварству «балочных» не было предела!

Тошка Исаков был почти моим ровесником. Может, на год-другой старше, но выглядел на все двенадцать лет. Одноклассник Трюхи-поджигателя с нашего двора, кошмар учителей и зубрил-отличников вплоть до четвертого класса. Иными словами – хоть и моей возрастной категории, но шансов у наглеца оставить был не должен.

На какой-то миг в сознании колыхнулась паника. Не моя, ребенка, в голове которого чудом оказался взрослый. Спокойно, малыш! Ты справишься. А страх – это хорошо. Это полезно для здоровья, как говорит Сан-Саныч, мой боевой друг и наставник. А здоровьем тут никто разбрасываться и не собирается.

Тоха так Тоха...

Что у нас тут?.. Упс!

Спортивного приветствия с рукопожатиями, как у приличных боксеров, не получилось. Вражеский богатырь внезапно коршуном прыгнул вперед и по широкой дуге рубанул воздух правой рукой, целясь мне в ухо. Расправа планировалась быть короткой, жестокой

и безапелляционной. Это как клопа прихлопнуть. Эффектно и не напрягаясь. В назидание грядущим и во славу госпитальной балки.

Только почему-то не вышло.

Эффект неожиданности не сработал. Просто, зная те самые секреты, о которых говорилось выше, из поля зрения я Тоху не выпускал с самого его первого шага. И начало его прыжка в мою сторону видел превосходно. Достаточно было лишь слегка присесть и скользнуть левой ногой по дуге чуть в сторону и прямо. В противоход. И, оказавшись сбоку, легонько толкнуть двумя руками Тоху в правое плечо.

Все-таки Тошка – хороший боец. По крайней мере, удержался на ногах, хотя и слегка потерял равновесие. Крутанулся на месте в поисках неожиданно пропавшей жертвы и, распаяясь, вновь прыгнул вперед к вожделенному уху. Ко всеобщему разочарованию – с абсолютно идентичным приемом, отдаленно напоминающим боксерский свинг. Собственно, и я не мудрствовал лукаво. Вновь провалился вниз и скользнул влево. Попробовал толкнуть посильнее, благо и Тоха второй раз размахнулся пошире.

Молодец! И в этот раз не упал.

Что, опять?

А разнообразие? А красота боевого танца? Все мне да мне.

В третий раз, проведя аналогичные телодвижения, я не стал толкать противника, а просто звонко хлопнул Тоху по спине двумя ладонками. Да так, что с его плеч сорвалось в воздух облачко белесой пыли. С дружеской стороны послышались смешки и обидные реплики в адрес стремительно теряющего авторитет вражеского витязя.

Яростно сопя и обильно краснея пятнами, Тоха вновь рванул к ускользящей цели. На лбу, как на мониторе, было написано: «Сейчас буду бить не справа, а... слева». Ну хоть что-то новенькое. Теперь я сместился в правую сторону и успел похлопать Тоху аж два раза, как бы по-дружески. Мол, спокойнее, брат, не надо так нервничать.

Пыли уже не было.

Вокруг все уже откровенно посмеивались. Что характерно, с обеих сторон. Тоха яростно крутанулся на месте и неожиданно без замаха ударил правой. Прямым. Изучил, выходит, мой незамысловатый маневр. Сломал схему. Я просто отпрыгнул назад. Еще удар, еще и еще. И справа, и слева. Я скакал козлом, уворачиваясь от несущихся в голову кулаков, а Тоха рубил и рубил воздух, не жалея сил. С бешеным и все возрастающим желанием добраться до этого мелкого и неуловимого гаденыша.

Со всех сторон галдели. Сыпались советы и комментарии, большей частью обидные. Причем в оба адреса. Шум все нарастал. Эмоции начинали зашкаливать. Кто-то просто орал: «Давай! Давай!! Давай!!!» – непонятно кого стимулируя к более активным действиям. Скорей всего, меня. Я ведь толком не нанес еще ни одного удара, если не считать обидных похлопываний по спине. Тем не менее распаялся не я, а мой противник, с каждой секундой теряя последние капли контроля над собой и наглядно демонстрируя окружающим слепое бешенство разъяренного носорога. Чего я, собственно, и добивался.

Все. Пора заканчивать.

Самое время.

Вычислив очередной предстоящий свинг справа, я не стал ни приседать, ни отскакивать назад. Просто сделал маленький и совершенно никем не ожидаемый шаг навстречу несущемуся кулаку. Да так, что траектория движения разящей кувалды проходила как раз за моим затылком. Вместе с разворотом против часовой быстро положил правую ладонь на левую скулу противника и, не прекращая скручиваться, толкнул его что есть силы по дуге вслед за улетающим кулаком. А левой ногой я ничего не делал, нет! Даже и не думал. Я ведь шагнул, разворачиваясь правой! А левая – где стояла там и осталась, немного вытянувшись,

сзади. Как раз в том месте, куда понесли Тоху его злоба, азарт и собственная инерция. Плюс мои нежные поглаживания по холке, чудом совпавшие с вектором Тохиного движения.

Это айкидо, детка...

Ай!

– Кидо...

Толпа дружно ахнула.

Тоха, рыкнув напоследок и пытаясь в полете оглянуться назад, звучно и эффектно врезался в землю. Повернулся в пыли, теряя боевой запал, крикнул... и вдруг неожиданно для всех тоненько заскулил. Пронзительно и жалобно...

Черт!

Плохо упал. На правый локоть.

Я бросился к поверженному сопернику и стал ощупывать ему руку. Ну слава богу! Не вывихнул. Перелома тоже вроде нет – не дергается от боли, когда нажимаешь. Ушиб, скорей всего. Детские кости пластичные, для перелома нужно очень сильно постараться. Был бы взрослым – через час красовался бы в гипсе. А так – не страшно, заживет.

Мы тут, на секундочку, не в бирюльки играем. Территориальные войны, однако!

Весь пустырь шумно гомонил, обсуждая случившееся. Сонное и ленивое благодушие как корова языком слизнула. Некоторые горячие головы рвались уже в большую битву, но... закон есть закон. Никто не вправе его нарушать. Горе побежденным, но ренегатам – горе вдвойне!

Здесь такого не прощают.

Меня тормозили и похлопывали по спине соратники. Кто-то совал к лицу пачку «Опала», отчего я в ужасе мотал головой, вежливо отказываясь от столь импульсивных знаков уважения. Тохе помогли подняться, и «балочная» ватага, вякнув что-то угрожающее (этикет же, куда без него?), убралась восвояси.

Только Тоха напоследок оглянулся, выискивая меня глазами.

Ох и нехорошо он посмотрел...

Глава 2

Назвался груздем... всей птичке пропасть

Вот я и говорю – поразительный потенциал у детского организма! Чудо-аппарат с семилетним пробегом. Трансформер Прайм. Настоящий Мегатрон, только из костей и мяса.

Шпагат в свое время я освоил за неделю. И продольный, и поперечный. Был бы наискосок – думаю, и с ним бы справился. Через месяц легко вставал на мостик из положения стоя, не теряя равновесия. И обратно. Разные фляки, сальто и прочие рондаты шелкались как орешки факультативно. А заодно – самые невообразимые удары в прыжках, толку от которых, если честно, не было никакого. Косметика одна. На злобу китайско-корейско-японского дня.

Сан-Саныч только ехидно посмеивался, наблюдая за моими пируэтами на татами. А один раз даже продекламировал в стиле хокку, выразительно закатив глаза в поднебесье: «О, танцор! Что мешает тебе? Скажи...»

Хайдзин доморощенный. Да бог с ним. Он тоже, кстати, учится. Оттачивает свое чувство юмора. Впрочем, не без успеха. Моя школа...

Но я не об этом.

Я о своем открытии. Насчет того, что в детском возрасте – совершенству нет предела. Оказывается, взрослое сознание в теле ребенка может реализовать невиданные перспективы в плане физиологической моторики.

Экспериментируя и системно анализируя собственные ощущения, я открыл, что недостаток выносливости можно с лихвой компенсировать техникой активного расслабления. Сочетание нагрузок и микроскопически коротких мгновений отдыха дает поразительные результаты. Регенерация мышечного тонуса в семь лет при правильном подходе просто нереальная. Можно бесчисленное количество раз подтягиваться на перекладине, бегать на невообразимые дистанции, плавать – хоть до Турции!

Хотя... это я уже хватил.

И вообще, не стоит о плавании. Осадочек, надо сказать, неприятный остался после моих осенних заплывов. Собственно, и весь букет прошлогодних событий флюидами радости не озонировал. Спасибо, что хоть группу оставили в полном составе. Будем считать, что это и есть главная награда за наши подвиги во славу социалистического Отечества.

Зато мое тело, как у полноценного мужчины, теперь украшают самые настоящие боевые шрамы. Правда, в труднодоступном для всеобщего обозрения месте. Тем не менее! Когда у Ирины, моего инструктора-теоретика, кончаются темы для ежедневных подколов, она сразу же тянется к козырям: «Зеркало подарить? Швы на шраме пересчитаешь». Или: «Не ерзай на стуле, обивку покарябаешь». Или вообще что-то нейтрально-глубокомысленное: «Кто ищет, тот всегда найдет». И с выразительными взглядами, дающими возможность легко определить недостающие звенья данного умозаключения. Подразумеваются «приключения» и «задница».

И она права, моя боевая подруга, мастер наружки и внутренних стилей единоборств, специалист по криптографии и прикладной психологии, медик и... наоборот – антимедик. По обстоятельствам. Но в том или ином случае – спец экстра-класса. Ее правота заключается в том, что неприятности, приключения и проблемы с момента появления в детской голове взрослого сознания стали притягиваться ко мне с невообразимой силой. Трудно понять почему.

Может быть, дело в остроте детских ощущений?

Я заметил, что и зрение, и обоняние, и тактильные ощущения, да, собственно, и все остальные чувства у ребенка гораздо тоньше. У взрослых они притупляются, что ли. А с расширением спектра внешнего восприятия мир становится глубже, ярче и разнообразнее. А главное – понятнее и откровеннее.

Например, с помощью взрослого анализа на фундаменте детского восприятия я теперь легко определяю, врет человек или нет. Может быть, даже по запаху – механизмы этого процесса слишком глубоки и не совсем мне понятны. Или другое: с высокой степенью вероятности я могу просчитать потенциальную опасность, исходящую от того или иного человека. Большею частью – на интуитивном уровне. Не стопроцентно, разумеется, идеализировать не стоит. Но гораздо шире и точнее, чем раньше, когда находился в теле взрослого человека.

Время тоже стало другим. Не в смысле эпохи, а в смысле темпорально-физической величины. Да вы и сами, наверное, помните: в детстве единица времени, допустим, час – чудовищно долгий период (особенно когда стоишь в углу или сидишь на скучном уроке). Для взрослого час – ничто, сквозняком пролетает.

Сейчас для меня время растянулось нереально, стало вязким и тягучим. Порой до тошноты.

Может быть, дело в скорости детского метаболизма? Быстрее происходит обмен веществ? Во всяком случае, скорость реакции у меня действительно стала выше. На целый порядок. Сейчас я, без всякого сомнения, быстрее, чем любой член нашей группы. Не хватает только практики и опыта, над чем я усиленно работаю в процессе наших тренировок. Если честно, идет пока туговато. Да и в спарках с нашими волкодавами реакция – слабое преимущество.

Сан-Саныч с чудесным позывным «Козет» незатейливо аннулирует мои финты точностью и силой. Ирина (позывной «Сатурн») – гибкостью и скоростью. Ее отставание от меня по скорости реакции очень незначительное. А наш шеф, Сергей Владимирович (позывной «Пятый»), возможно, он действительно «пятый» в иерархии местного управления безопасности), – он вообще уникал. Он берет своей... медлительностью, показной неуклюжестью и непредсказуемостью. Его стиль – это цепь несуразных и чудовищно корявых телодвижений, в которых целая гамма финтов, ложных выпадов и обманок. Полная дезориентация противника, даже знакомого с подобными уловками. Но класс не переиграешь. Финал для всех одинаков – единственный удар либо захват на болевой, либо бросок. Для каждого разница лишь во времени.

Я, к примеру, проигрываю быстрее всего.

Значительно дольше держится против Пятого Козет, у которого низкий болевой порог и разнообразная школа стилей. Он их на ходу меняет, чем тоже дезориентирует противника. Пятого, конечно, не проведешь, но спарринг, как правило, затягивается.

И дольше всех держится Ирина. Хотя я подозреваю, что Пятый «джентльменничает» и просто любит нашу пантеру. В спарринге она наиболее хороша. Мягкий стиль, что и говорить: гармония с противником, вселенское равновесие, умиротворение, которое, впрочем, Пятый все равно неизбежно ломает... рано или поздно.

Вот такие у нас бойцы.

– Завтра работаем по «Березке», – как бы между прочим заявил Пятый, уложив наконец Козета на татами и потирая левое предплечье, на которое и поймал финальный удар Сан-Саныча с последующей закруткой и фиксацией агрессора.

Ненавижу! Ну просто терпеть не могу!

Дело в том, что нашу группу в последнее время все больше и больше привлекают на разработку местной фарцы. Центральный гнойник – магазин Внешпосылторга на улице Очаковцев «Березка». В нем отовариваются счастливицы, ходящие в Атлантику за треской и сель-

дью. Там чудо-товары отпускают по бросовым ценам: джинсы, магнитофоны, жевательные резинки и прочие радости забугорной жизни. Только вот большей частью ударники-рыболовы честно заработанные боны с заветной желтой полосой норовят обменять на традиционную валюту – с гордым профилем основоположника и с молоткасто-серпастым символом.

Причем по курсу один к шести! Нормально?

Лично для меня вся эта темная схема государственного распределения благ отдавала стойким духом чудовищного маразма. Моряки получали боны для реализации в иностранных портах, но в наших (!) советских магазинах Внешпосылторга, в которых, разумеется, были иностранные товары. Для тех, кто не успел потратить эту псевдовалюту за бугром, был открыт местный магазин «Березка». Там тоже кроме всего прочего были вещи иностранного производства, но... похуже. Моряки – они дураки, что ли? Одной жвачкой сыт не будешь. Вот и сливали они вожделенные бумажки некондиционным страждущим заветного «Бабл Гама». На мой взгляд – вполне разумно. Но на взгляд родного Отечества – в рамках состава уголовного преступления, предусмотренного статьей 88 УК РСФСР, пресловутой «бабочкой» на сленге валютчиков. От трех до пятнадцати лет. Неслабо?

Но страх не в этом.

Дело в том, что для разработки фарцы (что не наш, надо сказать, профиль) теоретиками Конторы (диванные полководцы, крапивное семя, ненавижу!) для нашей группы было рекомендовано прикрытие, которое один из кабинетных мудрецов загрифовал как «счастливая семейка». Романтик хренов. Выглядит этот шедевр конспирации так: Козет – папа, Сатурн – мама, ну и, соответственно, малолетний агент с позывным Старик, то бишь я, – сын. Сынок, сынуля, сынка, сыно-че-чек. Интересно, как еще извратится Ирина на этот раз?

У Сан-Саныча на сообщение шефа – ноль реакции, мраморное лицо монгольского сэнься даже не дрогнуло. Ирина же медленно расплылась в многозначительной улыбочке. На моей физиономии... впрочем, мне не видно. Зато Сергей Владимирович наблюдал за мимикой своих подчиненных с видимым удовольствием. Судя по выдержанной паузе.

– Задача простая, – невозмутимо продолжил он инструктаж спустя полминуты, – на «десятке» подъезжаете к рынку, гуляете в сторону Комсомольского парка, там мороженое, карусели (у Ирины сейчас лицо треснет от ухмылки: в этом парке аттракционы только для дошкольников), потом сын (убью ее когда-нибудь) начинает капризничать, требовать жевательную резинку и так далее. Папаша предлагает купить боны у «Березки» – и вы двигаете туда. Фарца вас «срисует» еще в парке, поэтому все должно быть на-ту-раль-но.

– Об этом не беспокойтесь, Сергей Владимирович. – Ирина смахнула с лица свою жизнерадостность и невинно спросила: – Ребенка можно будет пару раз шлепнуть по попе, чтобы не ныл?

– Хоть голову открути. Не задавай дурных вопросов, веселиться потом будете. У «Березки» изображаете фраеров, мнетесь и прицениваетесь. Вычисляете самого вкусного толкалу, Старик определит (и на том спасибо). Покупаете сертификаты, жевательную резинку – и на базу. Дальше работает милиция. Расценивайте операцию как помощь смежникам. Социалистический субботник.

Помолчали, осмысливая.

– Сергей Владимирович, а можно... детализировать вводную?

Пятый внимательно смотрит на меня. Он конечно же понимает, о чем я спрашиваю. И размышляет. Вообще, группа очень внимательно относится к моей интуиции. Притягивание событий на недавно травмированную пятую точку – мое кредо в команде, товарная ниша и фирменный знак. В этом плане, я подозреваю, и заключается моя главная ценность.

– Можно. Только без фактов. И с учетом того, что этого вы знать не должны по статусу. И степени секретности.

– Теряем время на ненужные слова.

Вот так.

Мне даже дозволяется дерзить иногда – до известного предела, разумеется. Но в этом случае Пятый и сам понимает, что начинает учить отца... детей делать.

– Хорошо. Слушайте. Есть тенденция роста криминальной активности. По цепочке от обратного: «Березка» – магазин «Океан» – Центральный рынок – порт в Камышовой. Ну а дальше...

Вижу, что мнется, поэтому подсказываю:

– А дальше, Сергей Владимирович, Турция. Вы нам этого не говорили, разумеется. А мы этого не слышали. Все просто. Если в теме появился «тюлькин флот» (так называют у нас рыболовов из Камышовой бухты), значит, концы нужно искать за бугром. Болгария и Румыния отпадают. Сейнеры туда не заходят, идут напрямик через Босфор и Дарданеллы в Атлантику. Греция и Италия – тоже. Потому как далеко, и рисковать смысла нет. К тому же таможенники там строгие. Не подмажешь. Остается Турция. Собственно, вы уже ответили на мой вопрос, Сергей Владимирович. Дальше мы сами.

У Пятого лицо каменного болванчика.

Он вздыхает. Кажется, на этот раз я попал до опасного точно.

– Вот что с тобой делать?

– Зеленкой лоб намазать.

– Успеется. Получай тогда еще информацию. Активность фарцы в этом году усилилась в весенний период. Это ненормально, так как сезон промышленного лова только на подъеме. Обычно они начинают шустрить осенью, после того как моряки возвращаются в порт из Атлантики и сбрасывают боны. А сейчас – весной. Нонсенс.

Быстрый взгляд в мою сторону.

Я молчу. Потому что умных предположений нет. Просто мало исходных данных. Нечего сопоставлять.

Пятый опять вздыхает и выдает, на мой взгляд, главное:

– И еще. Стали пропадать люди...

Пауза.

Вот это да! Перевариваю...

– А это здесь при чем?

– Не знаю.

Вот и поговорили.

А! Так он это специально мне слил инфу, чтобы я попробовал увязать несвязуемое. Сравнить красное с коротким, да еще и свернуть из этого бантик. Ох, и не случаен этот разговор! И наш левый «субботник» становится гораздо понятнее. Да, Пятый, умеешь ты кадры мотивировать. Впрочем, подбирать тоже. Недаром в свое время уцепился за меня с первой же встречи.

– Все услышано, Сергей Владимирович.

– Вот и ладненько, сбор завтра здесь в четырнадцать пятнадцать. Форма одежды... впрочем... ну да, ну да...

Это он вспомнил про отцов-производителей.

Еще раз почесал синяк на предплечье, сокрушенно вздохнул и отправился в душ.

Глава 3

Тоска по нефритовому лотосу

Знатно же меня отоварили!

Простенько и убедительно.

Тысячу раз прав Сан-Саньч: будь ты хоть трижды Брюс Ли, в реальной темной подворотне – ты просто овощ. Груша для битья. Особенно если не знаешь диспозиции и хлопаешь варежкой. Шансов выжить, конечно, гораздо больше, чем у рядового гражданина, но все они легко сводятся на нет эффектом неожиданности.

А я и не ожидал ничего плохого. И варежкой хлопал так, что уши закладывало, – пытался систематизировать в голове полученную от Пятого информацию. Вот по этой самой голове и получил. От всей души.

Начинало смеркаться, когда я, спрыгнув с подножки троллейбуса, не спеша зашагал в сторону родного дворика. Здесь совсем недалеко – через улицу и по кварталам. Абсолютно безопасный отрезок пути.

Был.

Я уже подходил к стайке пятиэтажных хрущевок, за которыми приютились родные пенаты, когда услышал: «Эй, малой, помоги!»

Ничего не подозревая, я оглянулся на голос.

Метрах в трех из приподвальной ниши по ступеням поднимался белобрысый парень лет двадцати в спецовке и с охалкой какого-то тряпья в руках. Ноша не выглядела ни тяжелой, ни громоздкой, тем не менее, не чувствуя подвоха, я сделал пару шагов навстречу и тут же на грани подсознания почувствовал неладное.

Поздно!

В следующий миг пыльное тряпье оказалось у меня на голове, а тело перехватили так, что ребра затрещали. Меня, словно куль, потащили вниз, совершенно игнорируя жалкие попытки не очень весомого багажа хоть как-то взбрыкнуть. А там, не теряя ни секунды, кто-то второй несколько раз крепко приложил меня кулаком по голове. Прямо через дерюгу. Раза четыре, а может, и пять, да так, что я едва не вырубился. Нокдаун уж точно был. Удары пришлись в основном в левую часть моей многострадальной физиономии. Я даже дернуться не мог во время этой экзекуции, потому что тот белобрысый злодей в спецовке продолжал бережно прижимать меня к себе так, что вздохнуть было невозможно.

Куда мои семь лет против двадцати?

Потом меня, как отработанный материал, швырнули на сыру землю, скрипнули подвальной дверью, и только звук быстро удаляющихся шагов ознаменовал завершение этого странного воспитательного акта.

Первое, что я сделал, – это смачно и звонко чихнул: то, что страшно хотелось сделать при первом же контакте с этой пыльной и вонючей мешковиной. Раньше как-то не получалось. Потом я кое-как освободился от пут и привалился спиной к грязной стенке. В темноте плавали яркие гроздья феерических огней. Биение сердца отдавалось в голове болезненным колокольным звоном. Этот «кто-то второй», нанося удары, явно не соизмерял своих сил с моим нежным возрастом. Я потрогал разбитую губу и быстро заплывающий левый глаз. Потом оторвал кусок мешковины, намочил его под стружкой сочащейся из трубы воды и прижал к лицу.

Вот так. Чем быстрее охладить гематому, тем менее выразительными будут визуальные последствия. Хотя в данном случае...

Я, кряхтя и шатаясь, встал на ноги и направился вон из подвала.

Прыгать, говоришь, красиво научился? Как завещали незабвенные китайские мастера? Любимый удар – «Порхающая бабочка сметает пыльцу с нефритового лотоса».

М-да...

Чего же сейчас-то не порхалось? Видимо, что-то все же мешает нашему танцору...

Губа стала болезненно пульсировать. Все удары пришились в одну сторону. Слева. Значит, злодей бил одной рукой. Справа. По длинной дуге, судя по фиксированным временным промежуткам. Кто у нас так бьет?

Да чего там анализировать.

От кого прилетит, я уже точно знал – еще до окончания транспортировки моего обездвиженного тела в темноту подвала. Скажу больше. Что-то подобное я даже предполагал с того самого момента, когда поверженный не далее чем вчера Тоха Исаков выискивал меня глазами в толпе триумфаторов нашего района. Только его оперативность меня несколько смущает. И это лишь первая странность.

Есть и вторая. Дело в том, что в наши пацанские разборки запрещается привлекать взрослых участников. Это – табу. Налицо – грубейшее нарушение всяческих мальчишеских правил и традиций. Вплоть до процедуры публичного остракизма. А он на это пошел. Почему?

Есть еще и третья.

Ответка не должна прилетать анонимно. Обиженная сторона, встающая на тропу вендетты, совершенно не заинтересована в конфиденциальности. «Вернуть лицо» можно только при наличии восхищенной аудитории, выносящей неписанный вердикт о свершении акта справедливости.

Тогда что же произошло?

Тупое мочилово якобы неизвестными лицами? Ради какой цели? Чтобы потешить ноющую жажду мести? Расправа ради расправы? А мораль? Я чего должен понять-то? Кого заботиться на всю оставшуюся жизнь? Ерунда какая-то.

Странно все это. И необычно.

Вот и мой подъезд. Только мне пока сюда рановато.

Я зашел в соседний, поднялся на второй этаж по скрипучей лестнице и, с трудом дотянувшись до звонка, вонзил палец в кнопку. Раздались шаркающие шаги, и дверь открылась.

– Здрассте, баба Рая! К вам можно?

– Заходи, милоч. Заходи. Не разувайся. Не прибрано. Ты откель такой красивый?

– Так, споткнулся...

Когда отца Трюханова забрали в СИЗО, Вадим остался жить с бабушкой¹.

О моей роли в разоблачении мичмана-двурушника они, разумеется, ничего не знали и знать не могли. Я же, мучаясь интеллигентскими комплексами, стал чаще заходить в гости к Трюхе. А с бабой Раей мы и раньше чуть ли не дружили. Боевая медсестра со времен Великой Отечественной в моем плачевном положении была более чем кстати.

– А ну-ка, давай сюда эту грязь. – Баба Рая отобрала у меня тряпку и подтолкнула в сторону кухни. – Деретесь все и деретесь. На, приложи! Только разморозила.

Она припечатала к моей испорченной физиономии смачный кусок говядины, сочащейся красным.

– Ниче се! Кто это тебя так, Булка? – Это из комнаты появился Трюха, местный пиро-маньяк и поджигатель. – Это что, Тоха, что ли?

Понятно?

¹ См. первый роман серии «Фатальное колесо».

А ведь Трюха и не аналитик вовсе. И далеко не Сократ. Ишь ты, даже не напрягаясь определил злодея.

– Не знаю точно, Вадюха. Темно было. Я чего зашел-то. Ты ведь с Исаковым, ну, с Тохой, учишься вместе?

– Ну.

– А где живет, знаешь?

– Ну где-то за балкой...

– Понятно, что за балкой. А точнее?

Трюха наморщил свой широкий лоб.

– Давай сюда мясо, – прервала нас баба Рая, – а ну, выше голову. Терпи, солдат.

На губе зашипело. Ваткой, смоченной в перекиси водорода, она стала врачевать мои боевые раны, крепко ухватив за подбородок.

– Вадюха, вспоминай, – просипел я сквозь сжатые зубы.

– Ну, дом там... с крышей... ворота железные... зеленые...

– Спасибо, баба Рая. Вадим! Ты показать сможешь?

– А зачем тебе? Поджечь хочешь?

Нет, он не исправим!

– Я вам подожду! Оболтусы. Так подожду, что задницы тушить придется!

– Баб Рая! Вы же меня знаете! Какие поджоги? Я образцовый и законопослушный первокурсник. И хорошо влияю на Вадика. Вы же сами говорили!

– Образцовый. Вон у тебя под глазом образец твой. Мясо еще приложи.

– Так это я с брусьев упал. На тренировке.

– А дом ищешь, где брусья живут?

Старая школа. Фронтовики! На мякине не проведешь.

Я вздохнул.

– Баб Рая, брусья – это официальная версия. Для родителей. Тебе скажу по блату: кто фонарь повесил – понятия не имею. Может, и Тоха. Разобраться хочу.

Прямо кожей чувствую, как оттаивает пожилая, опаленная войной медсестра, навидавшаяся за свою долгую жизнь такого, чего нам, соплякам, и не снилось даже. Да и не только соплякам. Ведь всего-то и надо в общении с ней не врать.

Интересно, а почему так фронтовики врунов не любят? Я ведь это давно заметил. Может быть, это как-то связано с проблемой выживаемости в годы военного лихолетья? Врет – значит, человек ненадежный. И такого спину прикрывать не оставят. Наверное, так...

– Ладно. Пойду. – Я спрыгнул со стула. – Спасибо, баб Рая. Все а-атлична! (Ее любимое выражение.) Вадюха, я зайду перед школой. Давай на полчаса раньше выйдем. Покажешь этот домик с крышей. Лады?

– Ну.

– Чего ты – ну да ну, – неожиданно напустилась на него бабуля, – сказано покажешь – значит, покажешь. Попробуй проспать...

И подмигнула мне. Озорно, по-девчачьи.

Вот так!

Иногда мне кажется, что она подозревает... сколько мне лет на самом деле.

Уходить по-английски легко.

Вы попробуйте прийти так же.

Вот у меня, к примеру, не получилось. Да и любой англичанин сдулся бы на моем месте. Возвращение домой оказалось шумным и эффектным.

– Да что же это творится такое?! Что за тренировки у вас такие дикие? Я вот приду завтра к вам в спортзал. Поговорю с этим вашим тренером. Они что, решили изуродовать мне

ребенка? А ну иди на кухню, сюда, к свету. Боже! Как можно умудриться – вот так упасть? Подожди, сейчас зеленку принесу...

– Мама, стой! – кричу в ужасе. – Не надо зеленку! Мне обработали уже все перекисью и... стрептоцидом.

Зеленка! Не дай бог!

– Да подрался он, – флегматично заявил отец, только бросив взгляд в мою сторону из-под газеты, – в глаз получил за что-то.

– Он на пустыре каждую субботу дерется, – заложил меня с потрохами родной четырехлетний брат и тут же непоследовательно подставился сам: – А ты мене туда ходить не разрешаешь...

– Не мене, а мне, – автоматом восстановила гармонию мать. – Витя, это правда? Ты подрался?

Вот зачем ей это надо знать?

К чему эта вселенская борьба за истину? Бабу Раю, по крайней мере, я понять могу. Привычка фронтовая. Но здесь – ведь хватит и сотой доли настоящей правды, чтобы вся семья (кроме Василия, разумеется) поседела в одночасье. Так нет же. Тележурнал «Хочу все знать». Для выводов, наставлений и срочно принятых мер. В назидание и во избежание...

– Так правда или нет? – Пауз в нашем доме не приемлют.

– И да, и нет, – сел я на привычного философского конька, – по субботам деремся, это правда. Но не взаправдашне. Просто боремся, так, для смеха. Без синяков. Но это по субботам. Так? А сегодня что? Правильно, воскресенье. У меня сегодня что? Правильно, тренировка. Откуда я и пришел. Ссадины у меня – что? Обработаны, правильно? Ты же медсестра, мама. Видишь? Меня что, избили и сразу залечили? Неувязочка получается.

Против логики не попрешь. Тем более что мама, как человек продвинутой, логику уважает.

– Нет, ну нельзя же так. Осторожнее надо быть. Смотреть, куда прыгаешь.

Уже лучше. Мать явно остывает. Никуда она не пойдет, можно расслабиться. Впрочем, еще один штришок для восстановления общего благодушия.

– Я просто, мам, упражнения стал осваивать более сложные. Тренер говорит, задатки хорошие. Возможно, это семейное. От папы с мамой. Предлагает через пару лет и Василия посмотреть, как постарше станет. Не будешь возражать?

Краем глаза я заметил, как батя, сидя на диване, пытается втянуть животик.

– А что, – сказал он, – я тоже когда-то...

– Он тоже, – заворчала мать. – Ты-то сиди там. Посмотрим с Василием. Поживем – увидим. Рано ему еще.

– Так я и говорю – через два года.

В прошлой жизни Василий лет в десять стал заниматься акробатикой, и довольно успешно. Я подозреваю, что так он выражал своеобразный протест против постоянного подтягивания его в гуманитарных науках со стороны матери.

Ну что ж, пускай его разбег начнется пораньше.

Будем считать, что синяки легализованы.

За что же мне прилетело?

Глава 4

Прекрасное и ужасное

– Вон тот. – Трюха ткнул чумазым пальцем в сторону добротного частного дома под оцинкованной крышей.

Вот где он грязь находит? Вчера возле бабули был чист, как младенец. Утром тоже – умыт, причесан. Через пятнадцать минут нашего путешествия по вражескому закулисью – пальцы уже грязные. В карманах, что ли, землю носит?

– Все. Ближе не подходим. Дуй в школу.

– А ты?

– У меня освобождение, – не моргнув глазом заявил я, – пластырь на щеке видишь?

– А ранец зачем взял?

Да он не так глуп, как кажется.

– Давай-давай. Иди, опоздаешь. У меня от первого урока освобождение. Сейчас мне в больницу надо. Иди, я сказал.

– Ну и дурак, – обиженно и абсолютно нелогично буркнул Трюха, развернулся и тронулся в школу.

Вот лишь бы ляпнуть что-нибудь.

– Тохе ничего не говори, – бросил я ему вслед.

Не поворачиваясь, он в ответ махнул рукой. Мол, понял.

Я осмотрелся. Слева старинный высокий забор. За ним – территория инфекционного отделения городской больницы. Сюда я и показывал, когда врал Трюханову, что мне нужно к врачам. Детвора не знает специализации этого медицинского закутка, вынесенного еще в довоенные времена за пределы городской черты. В наши дни этот район уже практически центр города, хотя местность по-прежнему глухая и неухоженная. Такие вот особенности ландшафта – балки, пригорки.

Справа – длинный ряд одноэтажных домиков самого разнообразного калибра. Между забором и домами – начинающая зарастать весенней зеленью грунтовка. Местность высокая – гребень холма между Загородной балкой и проездом Сеченова, который в простонародье кличут Госпитальной балкой. Ближе к морю – огромное старинное кладбище, где лет десять уже никого не хоронят. Кстати, там у нас покоится дед-фронтовик, погибший уже после войны на стройке. На войне – за четыре года ни единого ранения, а через десять месяцев мирной жизни подорвался на авиабомбе, застрявшей в полуразрушенном фундаменте. Успел только познакомиться с бабушкой и дождаться рождения моей мамы. Судьба.

Сейчас старое кладбище превратилось в жутковатые заросли непроходимого кустарника, среди которого тут и там виднелись покрытые мхом памятники и развалины старинных склепов. Там очень любила тусоваться шпана постарше, цыгане, блатные, игровые и всякий другой асоциальный элемент. В городе это место традиционно признано источником жутких страшилок и душераздирающих легенд.

Хотя на самом деле здесь очень красиво, буйствовала сирень. Вдали синело море. Справа – усыпанные весенними цветами персиковые, вишневые и абрикосовые деревья между домами. Запах – одуреть. Живи да радуйся.

Только я не радоваться сюда пришел. Работать. Встряхнув ранцем, я полез на стену больничного забора. Метра три высотой. Хорошо, что ракушечник старый и весь в щербинах от пуль и осколков. Лезть легко. Наверху – густые заросли дикой акации. Неделя-другая – и она зацветет буйным ароматным цветом. Пока лишь молодые салатные листочки, но благодаря им снизу меня практически не видно. По крайней мере, я на это рассчитывал.

Держась за ветки деревьев, я прошел по верху забора до столбика, как раз напротив дома Исаковых. С удобством расположился и стал наблюдать.

Крепкий и богатый по этим временам каменный дом выходил фасадом прямо на улочку. Так здесь и строят, в отличие от северных широт нашей страны, где почему-то нороят все спрятать за высоким забором, большей частью – из уродливой доски-горбыля. Слева к дому прилепился крытый кирпичный гараж с зелеными воротами (прав был Трюха насчет колера). Справа – калитка и небольшой кусок сетки-рабицы. За калиткой – палисадник, над которым клубились начинающие зеленеть виноградные лозы. В глубине угадывался огромный участок с лабиринтом хозяйственных построек татарского образца. Конца не было видно – участок нырял в балку.

Во дворе было оживленно. Крутилась многочисленная детвора, пробегали женщины, неспешно ходили мужчины. Никого из них я не знал. Видел Тоху, Антона Исакова. Он был в синей школьной форме и с портфелем. Крутил головой и что-то резко отвечал наседающей на него древней старушке, очень колоритной, надо сказать, пожилой женщине. Настоящая Иске Аби. Закончив пререкаться, непочтительный внук взял у Аби холщовую сумку и решительно шагнул в сторону калитки. Сменная обувь, догадался я. Обязательный атрибут примерного школьника. И раскаленный прут для ладони хулигана.

Тоха вышел через калитку и тут же зашвырнул «сменку» в кусты рядом с гаражом. Расстегнул куртку и верхние пуговицы голубой рубашки, слегка подкатал рукава, чтобы торчало все нарочито неаккуратно. Взъерошил волосы. Тут все понятно – приводил форму одежды в соответствие со статусом недисциплинированного школьника. Такой вот устоявшийся дресс-код. Однако в школу идти пока не торопился.

Кого он ждал?

В нетерпении Тоха пинал портфель то одним, то другим коленом. А ведь там должна быть чернильница! Так называемая «непроливайка», которая чудесным образом почти всегда проливается на учебники и тетради. Особенно если пинать вот так. Портфель в конечном итоге полетел на скамейку, а Тоха начал метать камни в больничный забор. Аккурат в то место, над которым, между прочим, сейчас я и притаился. Этого еще не хватало! Снаряды летели не особо кучно. Некоторые из них проносились в опасной близости от моей головы, исчезая в глубине обитания туберкулезников и гепатитчиков.

Да! Тяжело им тут живется.

Наконец из калитки вышел... такой же Тоха, только на голову выше и на полкорпуса шире. Видимо, брат. Отпустил родственнику приветственный подзатыльник и...

А вот это интересно!

Под легкой брезентовой штормовкой на Тохинем брате знакомая спецовка! Застиранный бледно-зеленый комбинезон. Точно такой же, в какой был одет вчерашний блондинистый злоумышленник, затащивший меня в подвал. Только... тогда точно был не брат Тохи. Злодей ростом выше и гораздо стройнее. И волосы намного светлее. Да и вообще трудно спутать татарскую кровь с типичным русаком.

Есть первый результат!

Что-то очень легко все получается.

Парочка не торопясь дефилировала в сторону школы. Тоха что-то эмоционально рассказывал, размахивая руками и нарезая круги возле брата. Случайно не про то он повествовал, как отпинал меня давеча? С миловидным великовозрастным дружкой?

Любопытно.

Стараясь не делать лишнего шума и аккуратно цепляясь за ветки, я последовал за братьями по кромке забора. Это хорошо, что они не спешили.

На ближайшем перекрестке, там, где больничный забор под прямым углом уходил вправо, парочка рассталась. На прощанье старший вновь осчастливил родственника подза-

тыльником в качестве демонстрации теплых чувств, и пути братанов разошлись. Малой двинул прямо, а тот, который покрупнее, свернул направо и не торопясь продолжил свой путь вдоль забора.

Я осторожно спустился по ракушечнику вниз и двигался вслед за старшим Исаковым. Надо было выяснить – кто еще ходит в подобных спецовках.

Путешествие не затянулось. Брат свернул к техническому выезду из больничного городка, который был обозначен высокими проржавевшими воротами, и начал лупить ногой в обшарпанную деревянную дверь въездной пристройки.

Вот он где работает! В хозобслуге инфекционного отделения. И одет, стало быть, в комбинезон медбрата. Или как они тут называются? Санитары? Где-то тут должен быть и мой обидчик приятной славянской наружности и белобрысого окраса. Раз так все легко – может быть, и дверь он откроет?

Однако наружу высунулся какой-то древний дедок в коричневом больничном халате, солдатских штанах со штрипками, в шерстяных носках и казенных тапках. Сторож, наверное. Мой объект исчез внутри.

Я развернулся и зашагал обратно. На углу опять вскарабкался на забор, выбрал место, где одна из акаций растет вплотную к кладке, и по веткам спустился внутрь городка.

Кругом какие-то дикие заросли. Это очень хорошо – прятаться удобно. Держась кустов и перебегая открытые места, я в течение часа методично изучал всю территорию больничного комплекса.

И, можно сказать, был под впечатлением.

И от размеров, и от живописной экзотики. Три медицинских корпуса в три этажа каждый – старинные вычурной формы здания, каждое из которых напоминает букву «Е». А еще – административный флигель, приемное отделение, котельная, прачечная и масса разбросанных по территории непонятных подсобок. Все древнее, колоритное. Есть даже парк с водоемом, в котором я с изумлением обнаружил каких-то толстых и ленивых рыб. И все жутко неухоженное, заросшее, обшарпанное, отчего возникала атмосфера какого-то заколдованного царства.

Миленькое местечко.

Если не вспоминать того, что за северо-западным забором сразу начинается то самое легендарное кладбище. Чтобы далеко не ходить, как я понимаю. Впрочем, если учесть, что городок строился на заре советской власти, во времена свирепствовавших в городе тифа и холеры, – возможно, что это и не шутка.

Где-то еще с полчаса я играл в прятки с персоналом, которого стало неожиданно много в какой-то момент. Видимо, закончились планерки и пятиминутки. Больных видно не было. Ну правильно, нечего инфекцию распространять. Несколько раз видел знакомые комбинезоны. Один бледно-зеленый тип тащил огромные тюки с бельем, двое других толкали перед собой металлическую тележку с хромированными баками, четвертый подметал дорожки в парке.

Злодея не было.

Почему-то я был уверен, что найду его быстро и просто, но время подходило к обеду, а результат пока был нулевым.

М-да. Прискорбно.

Для очистки совести я еще покрутился возле одиноко стоявшего двухэтажного здания, которое никак не мог идентифицировать. По всем признакам – больничный флигель с палатами, как говорят в наше время, повышенной комфортности. Аккуратные занавески на окнах, чистые стекла, свежеразкрашенные рамы. Но совершенно нет движения! Я, даже рискуя быть схваченным, вышел к входной двери и подергал за ручку. Закрыто.

Что это? Спецобслуживание? Резерв? Место для корпоративных междусобойчиков?

Непонятно.

С другой стороны – оно мне надо?

Я зашуршал по кустам в сторону забора. Забрался наверх и еще раз тщательно осмотрел место обитания семейства Исаковых. Любопытно, что их участок действительно самый большой в ряду соседей. Справа его подпирала городская электроподстанция, а слева – крутой склон Загородной балки, захлавленной мрачными развалинами бараков первых послевоенных строителей. А вокруг тех развалин виднелся огромный абрикосовый сад, где деревья, как старинные богатыри, ростом с двухэтажный дом. Жуткие, корявые, липкие от смолы. И необычайно привлекательные летом, в период сбора ничейного дармового урожая.

Прекрасное и ужасное часто оказываются рядом.

А порой даже и сливаются в единое целое...

Ну, хватит лирики.

Пора на службу.

Глава 5 «Счастливая семейка»

Пауза затягивалась.

Сергей Владимирович внимательно разглядывал фингал на моей разукрашенной физиономии и многозначительно молчал. Я нагло не отводил глаз и даже старался самоуверенно не мигать, чувствуя, что еще немного – и слизистая оболочка органов зрения лишится своего естественного увлажнения.

Наверное, наши «гляделки» со стороны выглядели довольно комично, потому что я просто кожей чувствовал, как давится от смеха Ирина. Как из последних сил старается сохранить торжественность и трагичность ситуации Сан-Саньч.

А дело было в том, что операция «Счастливая семейка» была на грани срыва. По крайней мере, добрая треть ее состава счастливой уж точно не выглядела.

Пятый вздохнул и усталился теперь на Сан-Саньча.

– А я что? – запаниковал Козет. – Он на Матюхе живет. Там каждый третий красуется с такими орденами. Н-ну... или каждый п-пятый...

Шеф еще чуть-чуть поразглядывал потеющего сэнсэя, убедился, что тот проникся и его «п-пятый» не несет никакого двойного подтекста, еще раз вздохнул и усталился теперь на Ирину.

– Губа не проблема, – невозмутимо произнесла та, – подкрасим, припудрим (я возмущенно фыркнул, за что тут же был пригвожден коротким, но выразительным взглядом). Синяка скрыть не удастся. Во всяком случае, чтобы выглядело естественно. Пудра будет отваливаться. Как штукатурка.

Ирина булькнула горлом и прокашлялась.

– Простите. Там, возле «Березки», есть «Оптика». По Новороссийской. Я уже отзвонила. Очки приготовят. Без диоптрий. С дымком. Цвет такой. Кх-кх. Простите. Модный. Очень.

«Гляделка» вернулась ко мне и наконец трансформировалась в звук:

– Модный, говорите?

Я непроизвольно кивнул, хотя об очках знать ничего не знал до этой секунды.

Пятый еще помолчал.

– Сотрясение есть?

Я отрицательно замотал головой.

– Фигуранты?

– Да так. Шпана дворовая. Ничего серьезного. Территориальные войны.

– Ничего серьезного, – задумчиво повторил шеф. – Очередная случайность. Стечение обстоятельств.

– Ой, Сергей Владимирович! Не делайте из меня магического талисмана. Можно подумать, что все злодеи города непроизвольно мечтают дать мне в глаз. А вам достаточно только сети вокруг меня расставить. На крупную рыбу. И брать всех на живца. Что за ерунда! Если бы было все так просто...

– Ты думаешь? – живо заинтересовался Пятый. – Напомнить сентябрь? Давай посчитаем – Румын, Чистый, Обруч, Кочет и, наконец, твой американский друг, Ричард. Где они сейчас?

– Ричард, к примеру, в Америке, – буркнул я, – у папаши-миллионера. Послушайте, Сергей Владимирович, вы что, действительно верите в мистику? Вы...

Я хотел сказать «коммунист-материалист»... и вдруг заткнулся.

А то, что в голове у школьника вольготно расположился зрелый мужик и крутит разные дела, это что – капризы социалистического реализма? Сижу тут и умничаю о диалектическом материализме. По крайней мере, собираюсь...

Я почесал затылок и... сдался:

– Исаков Антон. Шестьдесят пятого года рождения. Сеченова, сорок пять.

– То-то, – подобрел Пятый. – Саша, проверь.

Козет кивнул.

– Ирина, пробей по базам. Так! К нашим баранам. Поправки в диспозиции. – Быстрый взгляд в мою сторону. – Выходите не у рынка, а на следующей остановке. Двигаете к «Оптике». Украшаете младенца очками (я прищурился на Ирину, но та невозмутимо тербила ухо). Дальше по старой схеме – сначала в парк, придется пройти мимо «Березки», но так даже лучше – вас срисуют быстрее. Дальше – качели-карусели, сопли-истерика – и на фарцу. Вопросы?

– Все ясно.

– Тогда по коням.

Сволочи!

С мрачным выражением лица я восседал в миниатюрном вагончике детского поезда и, покачиваясь на поворотах, старался не смотреть в сторону своих новоявленных «родителей». Там весело махали руками, жизнерадостно ржали и пытались до меня докричаться. Хорошо, что «Чунга-чанга» гремела на весь парк.

Господи! Родите меня обратно!

Как хорошо, что всего этого не видела сейчас наша дворовая братва!

На меня напялили куцее демисезонное пальтишко перечного цвета, коротенькие, до колена шерстяные штанишки поверх теплых детских колготок (!) и дурацкий коричневый берет. Обут я был в безобразного вида боты с веселенькими желтыми калошами.

Но квинтэссенцией вопиющего глумления над ребенком оказались массивные очки в толстенной роговой оправе, от которых, казалось, переносица прогибалась с легким похрустыванием. Стекол без диоптрий («с дымком») в наличии не оказалось, поэтому через толстые выпуклые линзы на мир я смотрел огромными глазами придушенного лемура, на которого случайно присел мишка-коала.

Действительность через такие линзы расплывалась мутным маревом.

Плюс эти идиоты!

– ... Не тормози... стоп-кран... чаек у проводницы... плацкарту не уступай... – прорвалось сквозь «Чунга-чангу» со стороны веселящейся «родни».

«Жуй бананы, – мрачно подумал я, – дождемся моего хода. По плану дальше – детские капризы. Сольная партия. Вот где вам стоп-кран не помешает!»

И вообще! Конспираторы хреновы. Где это видано, чтобы папа с мамой так азартно глумились над собственным дитятей, столь любовно и нарядно одетым. Да при всей честной публике!

Никакой дисциплины в группе.

Размалеванный аляповатыми цветочками паровозик остановился, вагончик дернулся, и я чуть не клюнул очками свои собственные колени, маячащие у самого лица. Состав прибыл на конечную станцию. Наконец-то! Кряхтя, я выцарапался из этой детской душегубки.

– Гошенька! А мы тебе шарики купили, – продолжала резвиться Ирина, – смотри, этот с зайчиком, а этот с ежиком. Тебе какой нравится?

– Нравится, – непоследовательно буркнул я, вырывая из ее ладони нитки с чертовыми шарами.

Последний штрих к образу моего персонажа был сделан изуверски точно.

– Ну что ты, Гошенька, может быть, сладкой ваты хочешь?
– Да, Жорик. Что-то ты похудел, – коряво вписался в представление Сан-Саных.
Уж лучше бы помолчал, артист доморощенный. Из погорелого театра.
– Не хочу ваты, – начал я вредничать, – жвачки хочу, клубничной. С Леликом и Боликом.
– Что ты, Гошенька! Жвачка вредная! Туда капиталисты заразу всякую добавляют, чтобы испортить советских детей.

– Жвачку хочу, – взял я разгон своей части выступления, добавив в голос пару плаксивых обертонов, – нету там никакой заразы. Купи жвачку! Купи-и-и-и!

– Ну где же я ее куплю, Гоша! Ее в магазинах не продают.

– Ты это, Георгий, ты давай не капризничай. Ешь вату...

Козет, блин, заткнись лучше! Сам ешь свою вату. По крайней мере, рот занят будет.

– Продаю-у-ут! Купи жвачку! Купи-купи-купи! Ну купи-и-и-и-и!!!

Ага! Морщимся. Не нравится? И это только прелюдия! Это я еще по асфальту в истерике не катался в своем красивом пальтишке. Где тут еще лужи остались? Вон, возле фонтана с ангелочками. Идем-идем.

– Ма-а-ма-а-а! Хо-чу жва-а-чки-и-и!! Ку-у-пи-и-и-и!!!

Гляжу, Ирине уже не до смеха. Оглядывается с легкой оторопью. Стыдно, наверное, за избалованного сыночка? Что же ты за мать такая? Жвачки для ребенка пожалела? Вижу, как старушки на лавочках критически поджимают губы и осуждающе покачивают головами. Такие приличные на вид люди, а ребенка мучают. Фу, как некрасиво!

Ну что ж. Настало время пустить слезу.

Встречайте кульминацию моего сольного этюда.

– Купи-и-и-и! А-а-а-а! Ы-ы-ы-ы! Ик-ик-ик! А-а-о-о-у-у-ы-ы!

– Гошенька...

– Георгий! Кхм...

– А-ргха-а-а!!! У-ргх-ы-ы! Ик-ик-ик!

Блин, как противно получается. Самому тошно.

– А ну заткнись, гаденыш! – шипит наклонившаяся ко мне Ирина, не выдержав напора. – Хватит уже. Достаточно. Убедил. – И громче, на публику: – Успокойся, милый! Вон там магазин. Сейчас пойдем, купим тебе жвачку.

– С Леликом... Ик!.. И Боликом... Ай!

Последнее «ай» слегка не вписывается в антураж сцены. И все из-за того, что Ирина незаметно ущипнула меня за ляжку.

– И с Леликом, дорогой, и с Боликом, пойдем скорей.

Меня схватили за руку и потащили через пешеходный переход к конечной цели нашей операции. Да так, что у меня ноги практически не успевали доставать до земли.

За мной в струях эфира дружно колготились зайчик с ежиком на легкомысленных воздушных шариках.

Идиллия!

Возле магазина Внешпосылторга народу было преприлично.

Впрочем, как обычно. С недавних пор администрация собственным волевым усилием ограничила свободный вход в «Березку», запретив посещение магазина лицам, не имеющим заветных сертификатов. А счастливые обладатели бонов должны были отстоять небольшую очередь, чтобы в помещении не создавать отечественного столпотворения.

Как я понимаю, искусственно созданная толкучка перед магазином стала крайне питательной средой для разного рода темных личностей, шныряющих среди потенциальных покупателей. Фарца, наверное, взвыла от счастья, когда на витринном стекле «Березки»

появился так называемый «Регламент посещения», разделив публику на «белых» и «черных».

К этому грозному листку и направилось наше счастливое семейство. Планировалось разыграть фряерское дилетантство.

– Володя, а здесь вход воспрещен, – обескураженно проблеяла Ирина, дергая одной рукой Сан-Саныча, а другой мстительно сжимая мне пальцы. – Как же мы вовнутрь-то попадем?

– Ма-а-ма-а! Жва-а-чку-у! – продолжал я мотивировать предков.

– Сейчас, Галина. Сейчас.

Козет сдвинул на лоб дорожную фетровую шляпу, почесал в затылке и стал выразительно оглядываться. Мини-пантомима сработала идеально. Рядом немедленно материализовалась какая-то серая личность неопределенного возраста:

– Боны нужны?

– Володя, может, не надо?

– Ма-а-ма-а-а...

– Галина, погоду. Сколько?

– А сколько надо?

– Ну... десять...

– Семьдесят рубликов. Давай! Дешевле не найдешь.

– Сколько?! Ты чего, парень, сказывся? Не, не пойдет...

– Володя, пойдем отсюда...

– Ну, ма-а-ма-а-а...

– Слышь, мужик. Бери за шестьдесят семь. Я сам за шестьдесят пять брал. Нельзя мне без навару, понимаешь...

Господи! Сколько раз в своей жизни я слышал эти торгашеские пересуды. На рынках и в поездах, у вокзалов и стадионов, на автостоянках и бензоколонках. И аргументы такие же, как у этого типа. Ничто не меняется – ни в прошлом, ни в будущем. Возникло острое желание схватить хмыря за грудки (жаль, что мне только семь лет), встряхнуть пару раз так, чтобы башка дурная болтнулась на хлипкой шее, и проорать в самое ухо: «Что же ты делаешь, урод? Оглянись вокруг. Чего тебе не хватает? Иди работать – на завод, на стройку, на сейнер. Страна тебе все дает! Не видел ты, мразь, мертвых заводов и загубленных деревень, порубанных виноградников и залитых нефтью пашен, не встречал ты еще настоящих челноков и рэкетиров. А это все будет! Благодаря и тебе, ушлепок, в том числе».

Я скрипнул зубами и перевел дух, забыв на время всхлипывать и поскуливать.

А Козет уже мусолил третьего перекупщика.

– Мам, я уже не хочу жвачку, – капризно заявил я.

Это был знак моим партнерам, что фигура валютчика меня заинтересовала. Пожилой невзрачный мужичок с бегающими глазками на крысиной мордашке. Похоже, бригадир. Понял, что низовые с клиентом справиться не могут, и вклинился лично.

– Нет, Гошенька. Теперь купим обязательно. Вдруг ты опять захочешь. – Ответный «маяк» о том, что меня услышали и поняли. – Володя! Долго ты будешь торговаться?

– Сейчас, Галина. Сейчас. – Сан-Саныч разошелся и вошел во вкус. – Ну так чего, шестьдесят? И по рукам!

– А! Давай. Себе в убыток. Понравился ты мне. И дамочка ваша. И сынок. Только давай отойдем. Сюда во двор. Тут недалеко. Нельзя здесь, сам понимаешь.

– Ты это, мужик. Только без глупостей давай. Я в Магадане всяких ухарей повидал! Смотри, не балуй.

– Да ты чего, дядя! У нас дела чистые. Грубостей не любят. Пойдем, не бойсь. Оставайтесь довольными.

И зашагал первым к дворовому проезду, воровато оглядываясь по сторонам. Козет тронулся за ним, а мы остались у входа в магазин.

Ну вот, собственно, и все. Операцию можно закруглять. Вероятность гоп-стопа исчезающе мала – здесь барыга прав. Их бизнес шума не любит. Клиентуру пугать нельзя, дороже обойдется. Репутация, однако.

Все правильно – Сан-Саньч уже возвращается. Чуть поодаль за ним выныривает из-за угла перекупщик. Чешет на свое рабочее место.

И вдруг...

Я резко поворачиваюсь к Ирине, обнимаю ее на уровне... куда достал и прижимаюсь очками к драповому пальто, пряча свое лицо в складках реглана.

– Спасибо, мамочка! Я так тебя люблю. Спасибо...

Ирина реагирует профессионально. Обнимая одной рукой, закрывает мою голову, второй гладит по берету.

– Хорошо, дорогой. Хорошо. Я тоже тебя люблю. Вон папа вернулся. Сейчас пойдем. – Наклоняется к моему уху якобы поцеловать малыша и шепчет: – Где?

– За спиной у барыги. Вынырнул из-за угла. Видишь?

– Видела, рассмотреть не успела. Он в правый двор нырнул. За ним?

– Не надо. Мы в наших прикидах, как три папуаса в Якутии. Срисуют. Быстро покупаем американское дерьмо и уходим.

– Пойдем, Гошенька, в магазин. Купим тебе жвачки. Мне и самой захотелось.

– Только с Леликом и Боликом.

– Конечно...

Мы дисциплинированно становимся в короткую очередь у входа в «Березку».

Вот такие «Лелики».

Несмотря на помутневший мир из-за толстенных линз, я узнал типа, вынырнувшего из двора за спиной барыги.

Нашелся Белобрысый!

Получается, что блондинистый злодей, затащивший меня вчера в подвал на экзекуцию, по совместительству работает в группе силового прикрытия валютных «толкал» – это если я правильно понял его присутствие на точке передачи клиенту левых сертификатов.

Кстати! Вчера спеленал он меня тоже довольно грамотно. Явно не бухгалтер. Возможно, конечно, и совпадение...

Хотя точно нет. Не совпадение.

Случайно пройти в этом месте и в эту секунду он ну никак не мог. Даже по теории вероятностей. За «Березкой» – двухуровневый двор. В нижнюю его часть ведет короткая лестница, на которой и происходит обмен бонов на рубли. На время этой операции, а она длится секунд пять – десять, нижний вход по-любому должен блокироваться штатным подельником от случайных прохожих. Потом это страшущее лицо поднимается вверх, изображая невинную прогулку, и оценивает обстановку. Смотрит – не пасут ли шефа.

Все правильно. У этих ребят все работает как часы. Слишком высоки ставки – от трех до пятнадцати лет.

Единственный вопрос. Как у них работает предварительная схема? То есть где находится подстраховка перед сделкой? Варианта два – или издалека наблюдает за процессом торга, это плохо. Или ждет в глубине двора, когда старшой пойдет с фраером к лестнице, это хорошо.

Иными словами, заметил ли меня Белобрысый перед магазином?

Судя по вчерашнему происшествию, мою личину он знает неплохо. То, что я был замаскирован, – со счетов пока сбрасываем. Все предположения делаем от худшего.

Как ни крути, надо обязательно все проверить. Если опера возьмут обозначенных нами барыг, подстраховка, то бишь блондинчик, сто пудов уйдет без шума и пыли. Да и предъявить ему нечего. А вот он со своей стороны может сделать нехорошие выводы. Особенно если меня узнал. И проверять надо сегодня, пока невидимым бойцам валютного фронта наши смежники не завернули ласты.

Срочно на базу – и переодеваться! Да, собственно, мы туда уже и шагаем, надувая резиновые пузыри, пахнущие клубникой, и разглядывая гипсовых ангелочков у фонтана.

– Мамаша! А ну двигай поршнями! И ты, папаша, не отставай.

Все! Кончился ваш дорогой Гошенька...

Глава 6

Секрет антилопы гну

Сан-Саньч отправился в контору работать по Исаковым.

А мы с Ириной через черный ход вернулись во Дворец пионеров.

Пятого, на мое счастье, в спортзале не было.

Клизма за неполный доклад о моем вчерашнем избиении откладывалась на неопределенный срок. Пару часов назад, умничая и кочевряжась, я не стал рассказывать начальнику о взрослом светловолосом фигуранте, подловившем меня на мешковину. Сам не знаю почему. Из вредности, наверное. А Пятый, похоже, был прав со своей дьявольской чуйкой – клиент оказался непростым. Так что готовьте дырочку, товарищ подполковник. И уж точно не для третьей звезды.

Быстро скинув наряд избалованного мажора, я облачился в свободный серо-черный прикид. Рванул было уже на выход, но оказалось, что одного меня никто отпускать не собирается.

– Работаем вместе, – безапелляционно заявила Ирина, – ты ведешь, я на подстраховке. Есть вопросы?

Ага. Знаю я этот тон.

Какие тут вопросы? Поржать Ирина, конечно, любит, но дело свое она знает туго. И первый признак того, что она входит в «боевую трансформацию», – вот эти вот звякающие сталью нотки в голосе.

– Помоги, – раздевшись до пояса, она достает из шкафчика широкую полосу плотной ткани с застежками и протягивает мне, – тяни как можно сильнее.

Повернувшись ко мне спиной, она поднимает руки. Я очень аккуратно и, возможно, с удовольствием накладываю ткань ей на грудь. Изо всех сил натягиваю концы, фиксируя их застежками.

– Слюни подбери, – бросает Ирина, дав понять, что оценила мой восхищенный взгляд в тот момент, когда стояла ко мне лицом.

Что и говорить, формы в порядке. Только в ответ я сейчас пока промолчу. Не до фривольных расшаркиваний. Придет еще время...

Облачившись в джинсы, кеды, черную водолазку, штормовку, убрав волосы под кепку-хулиганку, Ирина превратилась в стройного миловидного подростка. Быстро поколдовав с гримом, добавила лицу легкой суровой чумазости. Пару секунд поработав плечами и корпусом перед зеркалом, выбрала оптимальную осанку и сутулость.

Все. Картина маслом! Типичный студент-второкурсник. Или технарь из судостроительного.

– Работаем. По дороге опишешь объект. И в деталях – как он вчера умудрился прищучить тебя, как фраера.

Опять лучше промолчу...

Сегодня, как сообщил чуть раньше Козет, смежники принимать валютчиков не будут. За врагами социалистической законности установлена плотная наружка и запланирована дальнейшая разработка по полной программе. Это и хорошо, и плохо одновременно. Как бы не стало нам тесно в уютной компании местных топтунов.

Мы обогнули здание, в котором находилась «Березка», по широкой дуге и углубились в дворовые трущобы, постепенно приближаясь к зоне наблюдения.

До темноты оставался где-то час.

Столько же было времени до закрытия магазина, после чего всяческая криминальная активность в его окрестностях естественно прекратится. Нужно было поспешать не торопясь. Тем не менее перед входом в искомый квартал мы еще минут десять потратили на статичное поверхностное наблюдение, разойдясь предварительно метров на пятьдесят в стороны.

Топтуны были.

И класс их работы, на наш предвзятый вкус, был слабоват. К примеру, для чего они все как один выперлись на задание в одинаковых серых пиджаках и в разномастных, но обязательных у каждого кепках? Казенный гардероб? А эти свернутые трубочкой газетки в руках. Любим почитать в какой-нибудь подворотне о начале посевной, бросая поверх передовицы быстрые и выразительные взгляды по сторонам?

Как дети малые.

Мы срисовали троих таких красавцев. И это только с задней стороны подхода к объекту. Один из них для моей цели отслеживания вчерашнего злодея очень неудобно расположился – на лавочке в дальней от криминальной лестницы части двора. Да еще и с развернутой на все две полосы газетой у любознательного носа. Ну вот какой дурак будет здесь, в темнотище, сидеть и читать советскую прессу? Выглядело диковато и тревожно.

Тем не менее чуть дальше, с другой стороны узкого, словно каменный овраг, двора, той, которая ближе к магазину, я все же заметил несколько типов, которые по своим внешним признакам могли сойти за участников криминального карнавала. Хотя, конечно, не факт. Статья УК на лбу не нарисована. Надо было подбираться поближе.

Да только этот читатель...

Чтобы ты участковым ушел на пенсию!

Я заметил, как невдалеке Ирина дернула пучок каких-то цветов с ближайшей клумбы, не торопясь приблизилась к балюстраде, отделяющей нижнюю часть двора от верхней, и прислонилась к ней спиной. Чиркнула спичкой, и над ее головой колыхнулся сизый дымок.

Ага!

Так «молодой повеса ждет свиданья с какой-нибудь развратницей лукавой». Тут все ясно. Обоснование присутствия, сектор наблюдения – все как по нотам. Пути отхода – лучше не придумаешь. А вот мне нужно вниз.

Сам двор пустынным не был.

Его можно было назвать мрачным, уютным, к тому же он криво изгибался рядом с задней стороной «Березки», и все же люди здесь крутились. Я имею в виду – законопослушные, рядовые граждане. Жильцы, детвора, старушки на лавочках – как обычно в предвечернее время. По идее, можно было просто пройти сквозняком и высмотреть все, что нужно. Только... фингал под глазом! Яркий опознавательный знак и вопиющий демаскирующий фактор.

Я присел на корточки и стал возиться со шнуровкой кеда. Для Ирины это сигнал – мол, глянь в мою сторону. Убедившись, что она смотрит, я махнул рукой на крышу здания, показал двумя пальцами бегущего человечка и ткнул пальцем вниз. Ирина стала отряхивать рукав штормовки – поняла.

Обогнув балюстраду, я, стараясь всем видом изображать, что лет сто как здесь живу, зашел во двор и прямым нацелился к ближайшему подъезду, дальнему от магазина и ближайшему от любителя прессы на лавочке. Газета за моей спиной тревожно шуршанула и... благодушно затихла.

Я потянул на себя тяжелую, остекленную квадратиками дверь. Надо сказать, что такая красота украшает все подъезды домов, выходящих фасадами на центральные улицы. Хотя этих мастодонтов снаружи и не видно. Интересный архитектурный каприз, но мне это сейчас

на руку. Домофонов по этим временам еще не придумали. К слову, ни подвалы, ни чердаки амбарными замками не обвешиваются. Дикая люди!

Я скачками взлетел на четвертый, последний этаж и по железной лестнице через люк выбрался на пыльный и загаженный голубыми чердак. Здесь пришлось перелезть через десяток толстенных балок, извозиться чертом и... кажется, опять порвать штаны. Во всяком случае, треск ткани я слышал отчетливо.

С чердака я спустился в нужный подъезд, из окон которого как на ладони была видна лестница, ведущая к междворовому проезду, на которой «толкалы» и сбегивали клиентам свое добро. Хорошо была видна металлическая дверь заднего входа в «Березку». Странно, что темные личности, численностью около четырех человек, крутились именно возле этого черного хода, несмотря на откровенное наличие слежки. Этим топтунов и слепой бы заметил, а в криминальной структуре слепых и дурных не держат. Вернее, они сами не удерживаются, соскальзывая на этапы да на лесоповалы.

Белобрысого типа в наблюдаемой группе не было.

Странно.

Спустившись на пару этажей ниже, я внимательно рассмотрел присутствующую публику и постарался запомнить все отличительные приметы фигурантов. Двое молодых и двое средних лет. Явные бандюки. На дворовой лестнице за те полчаса, которые я потратил на изучение этого террариума, никаких сделок не проводили. Возможно, вычислили колпак наблюдения. Топорно все-таки работают смежники. Неаккуратно.

Железная дверь магазина вдруг на мгновение приоткрылась и тут же захлопнулась вновь. На какую-то секунду! Что там было – я не видел, так как просвет оказался в противоположной стороне. Но я успел заметить, как один из бандюков, стоявший к двери ближе всего, стал что-то засовывать в брючной карман. Потом этот фрукт резко оттолкнулся от цоколя и чуть ли не бегом поскакал по лестнице вверх. Через миг он исчез в соседнем дворе, а трое остались продолжать хлопать варежкой на виду у оперативника.

А вот это уже крайне интересно!

Что-то этому бандюку передали. Из магазина передали!

Получается, внутри «Березки» есть соучастник валютной мафии! Как минимум. И там происходит что-то тревожно-авральное, если при наличии явной (а она более чем явная) наружки кто-то идет на риск такого опасного контакта.

Впрочем, приоткрытую дверь в момент передачи кроме меня вряд ли кто-нибудь заметил. Все было сделано слаженно и виртуозно. Ну да! Дверь открылась, а трое других как бы невзначай прикрыли своими телами сектор обзора с трех сторон. Откуда они могли знать, что есть еще и четвертая сторона? Прямо у них под носом. Точнее – над носом. В лице глазастого, несмотря на шикарный фингал, первоклассника в подъезде.

Все это, конечно, интересно, но где МОЙ злодей?

Вся эта любопытная информация пойдет в кассу смежникам. Нашим коллегам, бестолковым и лопухастым. Везет же им!

Только где тут мой интерес? Моя цель, ради которой я елозил брюхом по стропилам?

Я спустился на этаж ниже, присел у окна и стал ждать, когда пресловутая тройка рассосется. Вновь по чердаку возвращаться было неохота. Бандюки, по моим расчетам, должны были уже сворачиваться, но... они упорно продолжали свою тусовку, шатаясь броуновскими частицами по двору и что-то высматривая по сторонам.

Чего они еще тут ждут? Или кого?

Я терпеливо отсидел еще около часа, пока окончательно не стемнело. Больше ничего интересного не происходило, хотя действующие лица и исполнители по-прежнему оставались на своих местах.

Ну все!

Больше тут ловить нечего. Тусклой лампочки возле подъезда для полноценного наблюдения становилось уже недостаточно. Пора на базу. Подкину смежникам информацию к размышлениям – о предателе в рядах Внешпосылторга.

Уже не таясь, подпрыгивая легкомысленно на ступенях, я спустился вниз и толкнул наружу тяжелую дверь подъезда. Кожей почувствовал, как три тяжелые башни развернули дула в мою сторону. Я же как ни в чем не бывало направился к лестнице на выход.

– А ну стой, – проскрипело справа, – погодь-ка, малой!

– Грач! Глянь-ка, какой у него бланш красивый. – Молодой голос слева. – Бакс про него тер?

«Про него»?

А впереди перед лестницей из темноты качнулась черная тень наперерез.

Так вы что, родные, меня ждали, что ли? А когда мы успели познакомиться?

Не раздумывая ни секунды, я ласточкой прыгнул вперед чуть левее тени, сгруппировался в воздухе и кувырком прокатился под капканом схлопнувшихся над моей головой лап. Услышал короткий, но крайне эмоциональный коммент по этому поводу и на четвереньках крабом засеменял к ступеням. Сзади шумно столкнулись два тяжелых тела, на ходу желая друг другу... неприятностей. Сам я вскочил и уже на двух задних конечностях что есть духу задал стрекача вверх по лестнице.

Сзади не отставали.

Мои три детских шага легко перекрывались одним взрослым. Ощутил, как по спине мацнула чья-то тяжелая рука. Это придало мне дополнительное ускорение – и физическое, и психологическое. Вылетев с лестницы, я резко под прямым углом свернул налево, в кусты. Стайка гоблинов по инерции пролетела прямо, подарив мне лишние метр-полтора отрыва. Так африканская антилопа гну уходит от преследования скоростного гепарда. Я заметался по зарослям. Сзади трещало, пыхтело и материлось. Только не отставало. Упорные какие! Откуда столько азарта? Может, спросить, чего хотели?

Под ногой предательски хрустнул какой-то корень. Потеряв темп и оттолкнувшись рукой от кучи песка, наверное оставленной нерадивыми строителями, я все же справился с равновесием. Заодно крутанулся на месте и метнул назад все то, что успел ухватить в горсть. Один хрюкнул и, остановившись, стал тереть глаза.

А преследователей-то всего двое!

Это я не к тому, что, мол, сейчас развернусь и всех раскидаю. Куда там нашему теляти! Просто третий где? Опасная непонятка. Блин! Можно подумать, сейчас кругом все понятно...

Я стал разгоняться по новой, но скорости катастрофически не хватало.

Сзади все же дотянулась чья-то коварная лапа и на этот раз крепко ухватила за ткань куртки, сразу сбив мою начальную скорость до нулевой. Спружинив ногами от земли, я резко прыгнул вверх и вперед, заведя при этом руки назад так, что легко выскользнул из просторной штормовки. Но траектории прыжка для нормальной группировки не хватило, и я раскорякой вломился в колючие кусты, болезненно приложившись о ствол дерева, гостеприимно поджидавший меня в темноте.

«Ну вот! Приехали, – мелькнуло в сознании, – здравствуйте, девочки!»

Постарался перекатиться в сторону от линии атаки, но чертовы кусты упруго отбросили меня назад. Рядом пыхтели, топотали ногами и... хлопали? Что это за звуки? Они аплодируют себе, что ли? От восторга?

Неожиданно все стихло. Остался только странный звук, похожий на прокол спущенного автомобильного баллона.

Затих и он.

– Живой?

Я забился в кустах, стараясь принять вертикальное положение.

Между двумя темными кучами тряпья на земле стоял мальчик-Ирина и с досадой рассматривал порванный рукав куртки, не по-мальчишески изогнувшись в талии.

– Чего так долго-то, – проворчал я и тут же вспомнил: третий! – Должен быть еще один!

– Ушел третий. Поднялся по лестнице вслед за вашей кутерьмой и сразу на остановку троллейбуса.

– А ты ему платочком махала, пока я тут врагов разгонял!

Ирина хмыкнула. Возвращалась в нормальное человеческое состояние.

– Куртку подбери, богатырь. Через чердак тяжело было вернуться?

– Ошибочка, – стушевался я, – хотя, ты знаешь, такая ошибочка дорогого стоит. Может быть, даже и больше, чем суперраспланированная неопшибочка.

– Потом поделишься. В более интимной обстановке. Лучше скажи – эти ТЕБЯ ждали?

– Похоже.

– Белобрысый навел?

– Ну а кто еще?

– Значит, срисовал он тебя перед магазином.

– Значит, срисовал...

– И просчитал, что ты вернешься.

– Значит, просчитал.

– Вот что я тебе скажу – непростой твой клиент. Очень непростой.

Я только пожал плечами.

Ирина перестала возиться с безнадежно порванной курткой, просто сняла ее и повязала рукавами вокруг шеи – тоже одна из модных фишек студентов этих лет.

– Все! Снимаемся. Расскажешь остальное по дороге.

Да уж. Расскажу!

Глава 7

Пора в подполье

– А к тебе сегодня девочки заходили, – мама лучилась интригой в предвкушении реакции на сногшибательную новость, – твоя одноклассница, Леночка Маркова, со старшей сестрой. Ты почему так долго?

– А чего хотели? – начал я освобождаться от ранца и башмаков.

– Леночка болеет. Спрашивали, что задали по арифметике.

– А ты?

– Я сказала, что ты на тренировке, – легкое удивление в голосе.

– А они?

– Попросили заглянуть в твой дневник, посмотреть задание.

– А ты?

– А я показала им твой дневник! – ответила она уже на полтона выше, лучезарность явно начала сдуваться.

– А они?

– А они переписали твое задание! Переписали, попили чаю и ушли!!!

Вот ведь доиграюсь же сейчас!

Придется огрести за опоздание. Все равно не могу удержаться:

– А ты?

– Да что ты все заладил?! Ты – они, ты – они! – взрывается мама. – Что я? Что ты? ТЫ почему опоздал с тренировки? Час назад закончилась! Мне что, к тренеру сходить? Узнать, где ты болтаешься целый час неизвестно где?

– Я имею в виду – ты! Ты – спросила у них документы какие-нибудь? – невозмутимо продолжал я переодеваться. – Приходят незнакомые дети, называются одноклассниками, требуют мой дневник, а ты запросто предоставляешь неизвестно кому доступ к моей личной информации!

Слышу, как в глубине комнаты хохотнул отец. Потом быстро закашлялся, дабы не принижать авторитета матери.

Педагогика вам не хухры-мухры!

– Ты чего мелешь-то? Какая личная информация, – растерялась мать. – Какие неизвестные дети? Это Леночка из соседнего дома!

– А сестра? – упорствовал я. – Сестру ты тоже знаешь?

– Сестру... – утвердительно кивнула мать. – ...Н-нет. Сестру нет. Она недавно к ним в гости приехала. Двоюродная. Она и не похожа на Леночку.

– Так! – нырнул я в домашние тапки и почапал в комнату. – Привет, пап! Слыхал? Сдали меня с потрохами!

– Это что за слова? Толик! Ты чего лыбишься? Смотри, как твой сын с матерью разговаривает!

– А что? – Батя на диване поменял лежачее положение на полулежачее. – Отчасти он прав. Что за сестра-то?

– Да! Что за сестра?

– Нормальная сестра. Двоюродная. Катя. Фамилия... наверное, тоже Маркова.

– Наверное или точно? Отвечать на вопрос! В глаза смотреть!

– Что? Я тебе щас! – Мать схватила тряпку и начала гоняться за мной по комнате.

Батя откровенно ржал.

В доме бедлам. Пыль столбом, падали стулья, россыпью летели какие-то папины журналы, снизу через картонные перекрытия что-то орало соседи. Из соседней комнаты вынырнул младший брат – что за беспорядок?

– Все-все-все! Мам, сдаюсь! Был не прав, каюсь. Пощады!

– Разошелся! «Доступ». – Мать уселась к отцу на диван и передником вытирала выступившие от смеха слезы. – Я тебе дам доступ! Юморист.

– Ладно, мам. – Я сел рядом. – А если серьезно – что за сестра-то? Сколько лет, как выглядела? Кроме шуток.

– Да как! Обыкновенно. Высокая, темненькая.

– А Ленка – белобрысая ведь!

– Ну я и говорю – не похожа. Она же двоюродная. Лет восемнадцать. Вежливая, воспитанная. Одеты аккуратно. Хвалила тебя, когда пятерки в дневнике твоём увидела. Сказала, что тоже занимается спортом. Художественной гимнастикой.

– А где? – живо заинтересовался я.

– Ой, я и не спросила.

– А когда приходили-то?

– Да вот... только ушли. Минут двадцать как. Думали застать тебя после тренировки.

А ты шляешься где-то. Почему опоздал?

Я замер.

Застать меня после тренировки?

А откуда Леночка знает, КОГДА у меня тренировка заканчивается? Или это знает ее сестра? Или кто она там?

Так-так-так.

А вот это уже действительно интересно...

– Ты чего молчишь? Не придумал, чего соврать?

– А? Почему опоздал? Так это... соревнования у нас, мам... скоро будут, – сочинил на ходу, и тут же в голове мелькнула идея. – Такие... серьезные соревнования, со сборами, в пионерском лагере. «Ласпи». Рядом с Батилиманом. Слыхала?

– Да... ты... что!!! Правда? – Мама аж вскочила с дивана. – Соревнования? Конечно, слыхала! «Ласпи»! А когда?

– Так это... в том-то и дело, что завтра уже надо выезжать. Меня в последний момент в состав включили. Поэтому и опоздал сегодня.

– Как завтра? – опешила мама. – А школа?

– Так в лагере. Там свои учителя на время сборов. Завтра и выезжаем. С утра. В десять.

– Ой! Я же в десять на работе!

– Ну вот! Как всегда! Все дети как дети – поедут с родителями, а я опять как беспризорник!

– Может, отпроситься? Ой! У нас же карантин!

– Да ладно, – сжалился я, – будто я не понимаю. Не маленький, доберусь. К тебе завтра зайдут на работу, кто-нибудь из тренерского состава, подписать надо чего-то. Ты только сейчас соберись мне помоги.

– Собраться? А! Конечно. Толик. Толик! Хватит валяться! Где чемодан тот, рыжий, маленький? Глянь на антресолях. Так, майки-трусы погладить! Зубную щетку, порошок, мыло в пенал, там в ящике. Теплое надо обязательно взять, ночи холодные. Витя, собери все школьное в ранец. Василий! Куда? Марш в ту комнату! Не мешай. Толик! Да не этот чемодан. А вон тот!..

Короче, началось.

Значит, с завтрашнего дня ухожу в подполье.

Любопытная какая у нас сестра получается! И по времени этот приход – ни раньше ни позже!

А ведь меня реально вычисляли!

Интересно, кто? И зачем?

– Хорошая идея. Ночевать будешь в спортзале. Питание в буфете. – Это Пятый.

– Ничего себе! Батилиман! Губа не треснет? А чего за «Артек»-то поскромничал? – Это Сан-Саньч.

– Спрыгнул все-таки с маминого крючка! Бродяга беспризорный! Ну ты и жучара. – Это Ирина.

И припев хором:

– Только высунься один!

И как это ни обидно – сводный хор бойцов невидимого фронта по сути прав. Какая-то нездоровая активность начинается вокруг моей скромной персоны.

Опять, как и полгода назад.

Может быть, я действительно вношу какие-то возмущения в тонкие материи мироздания? В область, которая связана с криминальным равновесием в мире. По крайней мере, в той его части, которая локализована в границах социалистического Отечества.

Нельзя войти в одну реку дважды.

А я добавил бы еще: безнаказанно. Ведь вокруг меня сегодня – до боли знакомые потоки моего собственного детства. Тащат, сверкая брызгами на солнце, хлипкое мое семилетнее суденышко, капитаном на котором – сорокадевятилетний умудренный мужик. Только в памяти у меня осталась милая веселая речушка, а не злобный горный поток, норвящий протащить меня через пороги брюхом, да по острым камням.

Что-то поменялось.

Или это просто я стал более зрячим. Лишился детских штанишек и розовых очков в придачу. А может, просто штурвал я кручу не в ту сторону? Пытаюсь умничать, нащупывая несуществующий фарватер по всем законам лоцманского искусства. А вот ребенок на моем месте просто плыл бы по течению, наслаждаясь прибрежными красотами.

Наверное, так.

Однако почему я не могу избавиться от ощущения, что в новой моей жизни слишком много появилось многозначительных случайностей и роковых совпадений? Не зависящих от меня ни на йоту. Побочные эффекты нарушения принципа «нельзя дважды в одну реку»? А если так – все ли они уже проявились в полной мере? Откуда я знаю, чего ЕЩЕ можно ждать от мироздания, выкинувшего со мной этакий фортель?

Как-то опасно зашаталась в последнее время мои незыблемые материалистические убеждения.

К слову, есть у меня целых три гипотезы, почему взрослое сознание вернулось в тело семилетнего мальчишки. Каким образом я «впал в детство».

Первая теория медицинская. Из разряда субъективного идеализма. Все, что происходит со мной, – мне только кажется. Лежу я, скажем, где-то в коме на больничной койке, подключенный к аппарату искусственного жизнеобеспечения, а в моей голове клубятся дикие фантазии, суть совмещения областей глубокой памяти и активных процессов на поверхности коры головного мозга. Этот вариант мне не нравится.

Тогда вторая версия. Наваянная фантазиями Джона Пристли и братьев Стругацких. Все эти приключения – выдуманные. Сажу я перед своим ноутбуком и сочиняю небылицы про самого себя в возрасте младенца. Раз за разом пытаюсь ухватиться за солнечный лучик, тянущийся ко мне из далекого и чудесного мира под названием «детство». Да только, что парадоксально, взрослые мозги на поверку оказываются свернутыми на предмет жизнен-

ного опыта и рационализма. И получается в описаниях не солнечная ода беспорточному счастью, а тревожный остросюжетный боевик. А согласно Пристли все то, что мы когда-то выдумали и описали, может существовать в реальности в каком-то далеком уголке Вселенной. Одна из разновидностей все того же субъективного идеализма. Только с легкой патиной художественно-романтического окраса. Этот вариант мне нравится больше, хотя и обидно чувствовать себя ПЕРСОНАЖЕМ.

А третья гипотеза простая. Она называется «да хрен его знает». Здесь может быть все что угодно: искривление информационного пространства, темпоральные аномалии, сдвиг матрицы сознания – на любой вкус. Все равно уровень науки до названных явлений пока не дотянулся. Очень удобно – материалистические представления о мире сохраняются, но... «мир непознаваем, ибо процесс познания бесконечен».

Мы просто пока не в курсе.

В любом случае мир здесь реален. Внизу земля с травкой, сверху небо с тучками. Вокруг – люди. Разные. Простые и сложные, умные и глупые, интересные и скучные. И в каждом есть и добро, и зло. Черно-белых персонажей, как в романах, не бывает. И причинно-следственные связи по-прежнему исправно работают и в этом мире, выдуманный он или нет. За ошибки тут платят полной ценой. От удара в глаз рождается синяк. От наглого поведения – подзатыльник. А если за спиной надежный товарищ – не страшно и в пекло. Хотя вру – бывает и страшно. Бывает больно, обидно, горько. Иногда – грустно.

Только скучно – никогда.

Глава 8

Эффект Крауфорда

– Значит, так. В доме Исаковых проживают пятнадцать человек, из них шестеро – несовершеннолетние. Самая старшая – Мурсалима Рахманбаевна, восемьдесят семь лет. Дом записан на ее невестку – Галину Андреевну Исакову. Вдова, шестьдесят четыре года. Муж был угнан в Румынию во время войны. Пропал без вести, признан погибшим.

– Сан-Саныч, а как его звали?

Козет зашуршал бумажками.

– Мм, сейчас. Баяхмет Султанбекович, девятьсот восьмого года.

– Понятно. Бай, короче. Судя по имечку. С отчеством...

– Бай – не бай, угнали на работу. И явно не директором пляжа.

– Не факт...

– Не мудри! У хозяйки дома – двое сыновей, женатые. Старший – Денис Баяхметович, второй – Михаил... почему-то... Борисович. Оба записаны русскими, интересно. Женаты, так... один на украинке, другой на русской. Детей у старшего пятеро, двое взрослых. У младшего – четыре пацана, старшему девятнадцать. Гляжу, белый билет у него от армии.

– Чем страдает, болезный? Известно?

– Ну а как же. Так. Чего тут у нас? Ага. Эпилепсия. Ничего себе!

– Чем живут, где работают? В смысле – остальные.

– Так. Старший сын на пенсии по инвалидности. Его дочь – кассир в продуктовом. Сын у него – строитель, сварщик. Временно нетрудоспособен. Травма на стройке. На пособии. Второй дядек вместе с младшим сыном работают на «Маяке», старый – кладовщиком, молодой – грузчиком. Его старший сын-эпилептик подрабатывает в госпитале в хозобслуге. Детвора учится – кто в школе, кто в фазанке. Бабули летом сидят на рынке, фрукты-овощи со своего участка. Короче, все чисто. Не привлекались, не состояли, в порочащих связях не замечены.

– Что и следовало доказать, – вновь начал я вредничать, – обычная татарская семья, которая во время депортации предпочла записаться русскими. Кроме прабабки, которая пострадала во время оккупации, – мужа-то угнали!

Сан-Саныч опять стал рыться в своих записях.

– Точно! Между прочим, прабабка тоже записана русской! Переехала сюда в сорок третьем, еще под немцами. Уже без мужа, с детьми. Участвовала в подполье, связник, явочная квартира. Вот этот самый дом. Особых событий вокруг адреса не зафиксировано. Просидела резервом до прихода наших. Дом чудом уцелел.

– Ничего странного не вижу. Меня интересует только тот белобрысый, который помог Тохе начистить мне рожу. И который носит такие же штанишки, как у брата-эпилептика, работающего в больнице. И который крутился среди фарцы, после чего меня стали вычислять по фингалу гоблины из группы поддержки.

– А кто такие гоблины? – заинтересовалась Ирина. – Бандитская специализация?

– Ты даже не представляешь, насколько права, – восхитился я. – Толкиен нервно курит в сторонке.

– Кто-кто?

– Крестный отец гоблинов, орков и эльфов, – окончательно снес я Ирине башню. – Ладно, не заморачивайся. Это сказочные персонажи в англосаксонской мифологии.

– Увлекаешься вражескими сказками?

– Я бы с удовольствием увлекался переделыванием девочек под мальчиков, – моментально среагировал я, – особенно половозрелых. Только мне это счастье очень редко обламывается. Приходится напирать на книжки.

Ирина тут же показала мне кукиш.

– Ша! – прекратил безобразия Сан-Саныч. – О белобрысом. В штате больницы никого похожего нет. Ни по возрасту, ни по приметам. Больничная спецовка маячит тупиком. Возле «Березки» проведена облава. Там тоже фигурант не усматривается. Среди задержанных нет даже бандитов, которых ты видел возле черного хода. Крестничков твоих и Ирины.

– Почему я не удивлен?

– Все твои предположения на грани ощущений. Ни фактов, ни улик.

– Где-то я это уже слышал... когда-то...

– И еще раз услышишь. Не за что даже уцепиться. И даже непонятно – ради чего.

Отомстить за подвал?

Я фыркнул.

– А вот сестры у твоей одноклассницы Леночки действительно никакой нет. И сама Леночка в твоей квартире не появлялась. Это был маскарад с очень похожей девчонкой. Непонятно только, зачем такие сложности?

– То-то и оно...

– Пока примем к сведению и оставим за скобками. Продолжаем работать в штатном режиме. Рейды, тренировки, теория.

– Сан-Саныч, золотой! Хорошо, что напомнил. У меня тут пробельчик образовался. Погоняйте меня по маскировке. Ну пожалуйста! Грим, камуфляж, зрительная перцепция, что там еще?

Козет усмехнулся.

– Нахватался уже? Принимается. Ирина у нас спец по таким чудесам. И, наверное, даже нелишним будет кое-кого подтянуть...

Ирина встрепенулась:

– Хейфец?

– Если согласится. Сама знаешь, какой у него характер. Меня он и слушать не станет.

– У тебя запах демаскирующий.

– А чего? Нормальный запах. – Козет смущенно понюхал свое плечо. – Обыкновенный.

– Кого ты слушаешь, Саныч, – подсел я поближе. – А кто такой Хейфец?

– Пример в театре. – Мой сэнсэй теперь пытался дотянуться носом к собственной подмышке. – Хаим Натанович... Вообще-то есть немного. Я в душ.

– Ирка! Зараза! Ты соизмеряй свои шуточки. Зачем бойца из строя вывела?

– А от тебя манной кашей воняет постоянно.

Я поперхнулся от неожиданности. Вот что с ней делать?

– Ну все! Доигралась. Сейчас я тебя нюхать буду!

И кинулся на нее.

После шумной возни на татами минут через десять от нас обоих пахло далеко не фиалками. Вышедший из душа Козет, свежий и благоухающий, брезгливо повел носом и демонстративно отвернулся.

– Так что же, молодой человек, у вас есть желание освоить теорию зрительной маскировки за два дня?

– Собственно, не совсем теорию. Все же меня больше интересует практика.

Пожилый еврей поправил старинное пенсне на массивном носу, внимательно посмотрел на меня и скептически пожевал губами.

– Знаете что, юноша. Отчего-то у меня складывается впечатление, что вы обладаете не по годам развитой головой. Таки не надо портить это приятное ощущение. Вы, извиняюсь, только что произнесли глупость, которая больше подходит вашему внешнему виду, чем тому, чего я не вижу внутри.

Надо включать заднюю. До чего же трудный человек! Целый час бьюсь с ним. Уговариваю, подлизываюсь, кручусь как уж на сковороде. Будто бы на минном поле – не могу нащупать безопасную тропинку. Шаг в сторону – и он опять недоволен.

– Уважаемый Хаим Натанович! Скажу по-другому. Я готов потратить столько времени на предмет нашего спора, сколько потребует основательная глубина его изучения, с тем чтобы в дальнейшем теоретические пробелы ни в коей мере не могли послужить досадной причиной практических ошибок.

Хейфец удовлетворенно кивнул. Погримасничал немного, пытаюсь опять выровнять свои стеклышки на носу, только уже без помощи рук. Наконец сподобился:

– Вы говорите правильные слова, молодой человек. Вы умеете говорить правильные слова, что очень странно для вашего возраста. Это любопытно. Только ведь старый Хейфец давно уже не консультирует спецслужбы. По ряду деликатных причин, о которых вам знать будет неприятно.

– Правильно. Мне гораздо приятнее будет знать сам предмет, чем копаться в причинах ваших разногласий с безопасностью. Мне хватит и своих.

Блин. Грубовато получилось.

Впрочем, семь бед – один ответ. Решай уже, дедушка, – или да, или нет. Уж больно долго мы торгуемся. Такое впечатление, что старик получает удовольствие от самого процесса. Тянет жилы из ребенка! Терпение мое испытывает? Или это такой микроэкзамен? Проходной тест? Может быть...

Хейфец долго скептически разглядывал меня, сцепив пальцы в замок и постукивая этой кувалдочкой по столешнице.

– Ну что ж. Вероятно, я буду работать с вами, юноша. И это не только из уважения к людям, которых я тем не менее уважаю. И которые рекомендовали мне посмотреть на вас. Я думаю, что мне самому будет интересно. Надеюсь, так же, как и вам.

О да!

Оказалось, что «интересно» – это даже не то слово.

Захватывающе.

Поразительно.

Грандиозно!

Наука о маскировке, а все это оказалось наукой, никак не меньше, – в наше время оказалась бы в зоне так называемых смежных исследований. На пограничье общепринятых научных массивов. Позднее я понял опасения Хейфеца. Без знания основ физиологии, психологии и медицины здесь делать было нечего. Благо начальные познания в этих областях у меня были.

Тем не менее все же пришлось освежать свой образовательный багаж – особенно в вопросах физики, делая упор на оптику, вспоминать принципы художественной композиции изобразительного искусства, правила гармонии и золотого сечения. Иногда казалось, что старый еврей издевается над малолетним вундеркиндом, но в какой-то момент все базовые знания чудесным образом сошлись в одной точке, и у меня дух захватило от открывающихся перспектив маскировки и полевого камуфляжа.

Из основополагающих принципов. Знаете ли вы, что достаточно замереть и оставаться какое-то время без движения – и вы станете процентов на тридцать НЕВИДИМЫМ! И чем полнее будет неподвижность – тем сильнее эффект. Чтобы отбросить еще процентов десять, надо просто не дышать. И нелишним будет зафиксировать зрачки на одной точке – оказыва-

ется, даже движение глаз привлекает внимание. А ведь это, как выяснилось, очень трудно – абсолютная неподвижность. Изматывает похлеще силовых занятий с Козетом и психофизических экзерсисов Ирины.

Мир с момента знакомства с Хейфецем поделился для меня на две неравные половины: на «целевой стимул» – это я собственной персоной, предмет, который нужно спрятать. И «маскер» – это все остальное, что меня окружает. То место, куда и нужно спрятать предмет.

Именно «маскер» я должен предъявить объекту в первую очередь, работая в стиле «прямой последовательной маскировки». Если во вторую очередь – это уже будет по методу «обратной последовательной маскировки». Здесь надо исхитриться, чтобы вторичный эффект восприятия был сильнее.

Или – высший пилотаж – «стимул» и «маскер» предъявляются одновременно, но объект по ряду причин концентрируется только на «маскере». Для этого существует целая куча технологий: это и маскировка Паттерна, и эффекты мета и пароконтраста, и мое любимое – перцептивная блокировка, которую спецы иногда называют еще эффектом Крауфорда.

Расскажу, как это работает на практике. В базовом, так сказать, примитивном варианте. До такой степени примитивном, что дня три потом пришлось ходить с красным и опухшим ухом.

Все элементарно.

Сначала в примерке у Хейфеца я взял напрокат ярко-пунцовое махровое полотенце и похвастался перед Ириной своим приобретением. В тех же театральных кладовых нашел холщовые штаны и рубашу цветом пыльной дерюги. Плюс тряпицу того же цвета, из которой наспех соорудил «балаклаву» себе на голову.

А дальше все было просто.

Я приоткрыл один из шкафчиков в спортзале и повесил на дверцу полотенце. Соорудил на самом видном месте, научно говоря, «гомогенное пятно маскера». Человеческим языком – отвлекающий фактор. Сам облачился в дерюгу, нацепил «балаклаву» и встал между рядами, совершенно не таясь. По-научному – внедрил «стимул» во вторичную среду «маскера». Там я превратился в соляной столп, и как результат – стал свидетелем того, как Ирина после душа беззаботно вытирает свое чудесное тело моим, между прочим, полотенцем (тем самым «гомогенным пятном»), наивно полагая, что мужской части нашей команды на этот момент в спортзале нет. А ведь я даже не прятался! Стоял метрах в трех и не дышал.

Будем считать, что от восхищения.

А минуты через три я сделал объекту наблюдения деликатное замечание по поводу наличия легкого жирка на бедрах.

Потом летал по всему спортзалу.

Разъяренная фурия, которая даже не озаботилась прикрыть свой срам, страстно вожделем добралась до моего тела.

До уха все же добралась...

Вот так захватывающе работает «Крауфорд» в практическом исполнении. Всего-то навсего – отвлекающий маневр.

И это только, как я уже сказал, базовые основы!

Часть занятий Хейфец посвятил непосредственно гриму.

Здесь пришлось научиться работать и с пудрой, и с помадой, и с краской для ресниц. Только не думайте, что пудра – обязательно розового цвета, а помада бывает только в оттенках красного. Например, при помощи голубой пудры можно придать лицу эффект изголодавшегося или изможденного человека. Слегка зеленоватая помада помогает изобразить пересохшие губы. Усиливает эффект специальный клей, похожий на ПВА.

А если выкрасить ресницы и брови в светло-рыжий цвет, потом добавить на осветленную кожу веснушки – лицо ребенка практически становится неузнаваемым. Это, кстати, я

проверил на Козете. Здесь обошлось без травматизма. Меня только чуть не вытолкали из родного спортзала.

Но чистый грим – это капля в море.

Как объяснял Хейфец, идея превращения «стимула» в персонализируемый «маскер» (звучит как бред) заключается не только в краске. Существует огромное множество других нюансов. Форму лица можно менять валиками из ваты, рассовывая их за щеками, губами и даже в носу. Здесь главное – чувство меры и гармонии. Ошибешься – и камуфляж превратится в демаскирующий фактор.

Оказывается, очень важно контролировать положения головы и тела. Процесс узнавания человека в быту во многом зависит от характерных движений, типичных ужимок и мимики. Достаточно чуть по-другому повернуть голову и свести брови к переносице – и тебя узнать будет гораздо сложнее.

А еще есть осанка...

Еще есть одежда...

Еще есть язык жестов...

Еще – очень много чего есть.

Иными словами, если перечислять все, что я узнал от своего нового учителя, – получится толстенная монография, которую жаждали бы заполучить многие секретные службы мира, причем наперегонки.

Но капризный еврей, как он мне напоминал неоднократно, уже не консультирует спецслужбы.

– Вам не нужно радоваться, юноша, тому, что старый Хейфец делает вашей особе свое исключение. Таки он все же снова совершает что-то нехорошее. Вы начинаете очень много знать для своего чрезмерно юного возраста. А как сказал один древний мудрец, многие знания есть многие печали. Боюсь, мне станет за это когда-нибудь очень стыдно...

Понравился я ему.

Глава 9

«Мир, труд, май» и... мохеровый кардиган

В городе праздновали Первомай.

Огромные колонны людей формировались на распланированных администрацией точках улицы Гоголя и плавно вытекали на городское кольцо. Флаги, транспаранты, воздушные шары в руках детей и пестрота весенних цветов – все это создавало непередаваемую атмосферу радости.

Из репродукторов гремела музыка. Народ лучился улыбками, пел песни под баяны, кто-то пытался пуститься впрысдку прямо по ходу движения людского потока. И не было во всем этом прокливаемого демократами двухтысячных авторитарного принуждения со стороны злых коммунистов. Заградительных отрядов с пулеметами тоже не наблюдалось. Даже милиции было не так уж и много. И, к слову, раз уж пришла на память «демократическая мифология», – не было вокруг ни одного пьяного или даже слегка выпившего человека. Все сядут за стол после обеда, как заведено.

А сейчас массовая эйфория была повсеместно фонтаном абсолютно трезвой и здоровой струей.

Это давно уже был праздник не идеологии, а победившей и властно вступавшей в свои права крымской весны. И его действительно по-настоящему любили. Может быть, даже больше, чем Новый год. Разумеется, предприятия получали какие-то разрядки из горисполкома по количеству участников, да только приходило людей гораздо больше, чем надо. Добровольно. И на точках сбора постоянно творилось чудовищное столпотворение. Осатаневшие организаторы доходили чуть ли не до драк, отстаивая свои кровные метры отведенной территории. А колонны выходили на площадь Ушакова с вопиющим опозданием. Но все эти капли дегтя недоразумений пшиком исчезали в цистерне вселенского веселья.

Наша группа сегодня не работала. Имеется в виду – по специализации. Всеобщий праздник захлестнул и нашу Контору. В дружный строй Ленинского района наших волкодавов, разумеется, не ставили, но они были где-то здесь. Наслаждались и расслаблялись.

Меня тоже отпустили «погулять». Одного, без контроля. Как сознательного, несмотря на некоторую безбашенность, сотрудника.

В качестве практикума я был под маскировкой. Мой образ – тревожный отпрыск не очень богатой прослойки малоквалифицированного пролетариата на грани люмпен-категории. На мне был кургузый пиджачок, надетый на выцветшую серую водолазку, не очень чистые штаны в коричневую полоску и тяжелые зимние ботинки, забывшие о существовании в природе обувного крема. На лице – обкатанный уже мною на Козете грим рыжего повесы: россыпь веснушек и раздвинутые валиками пухлые щеки. Украшала эту красоту драповая кепка-хулиганка, знававшая и лучшие времена.

Подобные мне сорванцы шныряли в волнах людского моря и кусками гнутой медной проволоки сшибали из рогаток, сделанных из шпилек для волос и резинки-венгерки, воздушные шары у дисциплинированных детей. Народ про эту напасть знал, поэтому своих чад держал ближе к центру колонны. А злодеев легко вычислял, брал за уши и, веселясь, беззлобно отвечивал первомайские подзатыльники.

– А ну иди сюда, стрелок пархатый! Попался? – Очередная жертва уже трепыхается в клешнях пожилого усатого мужика, с рядами орденских колодок на левой стороне пиджака. – Ты чего людям праздник портишь? В милицию захотел?

– Пусти-и, дяденька. Я больше не буду.

– Рогатку давай! Давай-давай. Вот так. У ну, брысь отсюда!

И, довольный собой, «дяденька» возвращается к начатому раньше: «...На не-ом защитна ги-и-мнастерка, она с ума-а меня сведет...»

В одном из просветов людского моря под ярким транспарантом «Мир-труд-май» лихо выплясывала замысловатый танец веселая старушка в пунцовом плаще, коричневых гамашах и солдатских ботинках. В одной руке у нее портрет Ленина на палочке, во второй – флажок советских военно-морских сил. Правильные, хотя и не совсем соотносящиеся друг с другом атрибуты крутились вокруг плясуньи морским семафором, сливаясь в бесшабашную и слабо идеологически выдержанную карусель.

Народ радостно гоготал и хлопал в ладоши.

– Давай, Семеновна! Не подкачай!

– ...Ра-аску-у-дрявый! Клен зеленый! Лист резной! – Бабуля умудрялась еще и подпевать репродуктору. – Я-а влю-у-бленный! И смущенный пред тобой!..

Напирающие сзади даже слегка притормаживали, расширяя зону этого стихийного танцпола.

– Кле-он зе-эльный! Да кле-он кудрявый! Да ра-аску-удрявый! Резной!

За спиной веселящейся толпы нетерпеливо верещал автомобильный гудок. На подходе пробуксовывал очередной массив праздничной колонны, впереди которого маячил драпированный кумачом изношенный «газон» с огромными картонными буквами «Гагаринский район» на кузове. Прямо за ним, размахивая в воздухе огромными искусственными цветами, клубилась белоснежная стайка красногалстучных пионеров, за которыми степенно вышагивали отцы-руководители. У многих – ордена и медали со времен Великой Отечественной.

Старая гвардия пока еще была в строю: слишком мало прошло времени после тех страшных событий. Одеты все просто, скромно, но празднично. Чисто и аккуратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.